

Проект Сергея Тармашева

ЧИСТИЛИЩЕ

Виктор Глумов

ОПЕРАЦИЯ

Виктор Глумов
Чистилище. Операция «Призрак»
Серия «Чистилище», книга 11

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10741012

*Чистилище. Операция «Призрак» : [фантастический роман] / Виктор Глумов. : АСТ; Москва ; 2015
ISBN 978-5-17-091839-3*

Аннотация

Группа чистых, живущих в подмосковном бункере и торгующих с местными зарамы, обнаруживает среди товаров на обмен новенький автоматный магазин с патронами. В поисках склада с исправным оружием они отправляются на бронетанках туда, где был обнаружен магазин. Однако проводник ни за что не хочет возвращаться, утверждая, что там водятся невероятные чудовища. Вскоре чистые убеждаются, что зар был прав: судя по некоторым приметам, обитающих здесь монстров боятся не только зары, но и мутанты. И покинуть это гиблое место живым и невредимым очень непросто...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	26
Глава 3	42
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Виктор Глумов

Чистилище. Операция «Призрак»

Серия «Чистилище» издается с 2014 года

Идея проекта – *Сергей Тармашев*

Художник – *Андрей Липаев*

Серийное оформление – *Николай Ковалев*

Компьютерный дизайн – *Константин Парсаданян*

Издательство благодарит Сергея Тармашева за предоставленное разрешение использовать название серии, а также уникальные мир и сюжет, созданные им в романе «Чистилище».

Другие произведения, написанные российскими фантастами для межавторского цикла, являются их историями, Сергей Тармашев не является соавтором этих романов и не читает их. Создатель «Чистилища» дал литераторам полную свободу, разрешив войти в мир проекта, но сам он несет ответственность только за собственную книгу.

Глава 1

Обитель зла

Если бы резинокольчуга и противогаз позволяли Яру различать запахи, то здесь, в стойбище заров, он задохнулся бы от зловония. Зары, одетые в плохо обработанные шкуры, смердели так, что вонь, казалось, проникала через защиту. Эти тупицы почти не мылись, на них водились вши и прочие паразиты.

Четыре паровика полукругом расположилось во дворе, оккупированном дикарями. Еще зары старого времени обустроились в этих двухэтажных зданиях, переделали крыши, заложили окна, чтоб внутрь не проникли мутанты и, когда начинался дождь, прятались там вместе с животными.

Теперь на звук моторов они вылезли, в основном самки с детенышами – чумазые, в шкурах. Обступили следопытов в ожидании подачек. Ронна ходила вдоль кольца заров, шелкала кнутом для острастки:

– Все встали в очередь, близко не подходим! – Хвост кнута ударил возле ног детеныша с дебильной мордой и круглым, вздувшимся от авитаминоза животом.

Детеныш подпрыгнул, как лягушка, попятился к группе таких же детей с тупыми мордами. Сразу видно, умственно отсталые. Женщины зашумели, стоящих впереди потеснила Ронна, они попятнулись. Беззубая баба со светлой паклей на голове заорала, вцепилась в патлы темноволосяй товарке, повалила ее в грязь:

– Смотри, куда лезешь, тварь! На ногу мне наступила.

Темноволосяя вскочила, оскалилась (у нее не хватало двух верхних зубов и одного нижнего):

– А ты не стой на дороге!

Женщины ринулись навстречу друг другу, сцепились в вопящий клубок, замелькали лица, локти, волосы, при этом дерущиеся не выпустили из рук мешки с материальными ценностями, которые приготовили на обмен. Остальные женщины отступили и, выстроившись в очередь, начали подходить к Яру. То и дело доносились ругань и крики.

Яр приготовил гостинцы для заров и следил, чтобы кто-нибудь из подростков не подкрался и не ударил в спину. Ронна была солдатом, она на это училась, и ей нравилась ее работа, но Яр как старший брат по привычке ее контролировал – страховал, чтобы подставить плечо при необходимости. И хотя любая женщина-солдат анклава Спарта даст фору солдату из другого бункера, для Яра она по-прежнему была младшей сестренкой, которая падает лбом вниз и бьется об углы. И плевать, что ей двадцать пять и она мать троих детей...

Напарница Ронны прицелилась в дерущихся женщин, их было уже четыре минимум: рыжая, светловолосая и две шатенки.

– Прекратить безобразие! Считаю до трех и стреляю!

Побеждавшие шатенки отходили нехотя, стараясь поцарапать или пнуть блондинку с окровавленным лицом, которая не подавала признаков жизни. Рыжей, похоже, выбили глаз, она выла и закрывала его ладонью, а по чумазой щеке сочилась сукровица.

Дикари. Калечат друг друга. Галдят, как стая ворон.

Подшли мужчины, утащили блондинку, бросили в заросли сирени, куда метнулся ребятаенок лет пяти, заголосил, пытаясь вернуть мать к жизни. Яр обвел взглядом заров: штук тридцать взрослых, самому старшему вряд ли больше двадцати трех, на вид же – тридцать пять минимум, тому виной клочковатая жидкая борода.

Женщины тоже все страшные, истощенные, рахитичные и все равно беременные. Приятный вид имеют только совсем юные. Напарник Яра Витязь сочувствовал зарам и помогал

чем мог. Яр же убеждался с каждым годом, что эти тварей нельзя подпускать к технологиям, они уничтожат остатки цивилизации.

Наверное, мутация все-таки коснулась их мозгов, ну не может человек быть таким тупым!

Витязь принес раскладной стул и воссел, как цивилизованный человек перед дикарями. Яр остался стоять, скрестив руки на груди. Рюкзак с безделушками он поставил возле ног. Витязь приготовил вещмешок на случай, если зарам удалось раскопать в развалинах что-то ценное. Справа и слева стояли по паре солдат, одни впереди, другие позади. Специально для заров разыгрывали спектакль, что солдаты главнее следопытов и даже иногда обижают их – чтобы зары еще больше видели в следопытах союзников.

Ронна с напарницей Леной прохаживались вдоль образовавшейся очереди. Женщины заров плевали вслед, стоило солдатам отвернуться. Зато к следопытам, встреча с которыми сулила много приятных и интересных вещей, испытывали самые теплые чувства. Яр относился к своим обязанностям с осторожностью, Витязю же льстило внимание диких, словно он не соображал, насколько они опасны. Непонятно, что ударит им в голову через пару минут. Сегодня они тебе улыбаются, а завтра с готовностью вгонят нож в спину.

Вот лохматая женщина в свалывшейся шкуре, худая как щепка. Смотрит на тебя жалобно, ресницы дрожат, и кажется, что перед тобой человек. А если кто-то толкнет ее случайно, она оскалится бешеной собакой и глаза сопернице выцарапает.

Мужчины редко являлись на встречу со следопытами, считали это занятие недостойным и все, что находили, передавали женщинам. Сейчас они засели в своих жилищах и наблюдали, а если их бабе перепадет что стоящее, будут хвастать друг перед другом.

Первая женщина вынула из пакета выцветший стеклянный обломок, который когда-то был частью настольной лампы, еще будучи ребенком Яр видел похожую – кто-то забрал ее с собой до заражения.

– Не представляет ценности, – сказал он, протянул руку, взял у нее вторую драгоценность – перемазанный мазутом моток проволоки, содрал рассыпающуюся ветхую изоляцию и с сожалением отметил, что провода ржавые. – Мусор. Еще раз повторяю: интересуют только медные провода. Медь, она такая... рыжая или с зеленцом, я в прошлый раз показывал.

Все та же баба достала из мешка лампочку с вольфрамовой нитью. Когда Яр поднес ее к глазам, зараженная радостно оскалилась, демонстрируя кривые желтые зубы. Нить перегорела и обвисла. Яр вернул находку женщине и сказал:

– Следующий!

Худющая рыжая девчонка лет четырнадцати подходила бочком. Зыркнула волком, выхватила из пластиковой коробки микросхему, отдала Яру и сразу же отступила, сжав кулаки. Яр тотчас отдал находку Профу, он неплохо разбирался в таких штуках. Проф аж задышал шумно, любовно огладил микросхему, положил в чемодан, пальцем поманил девчонку и распахнул второй чемодан, где хранились хрустальные бусы, слегка испортившаяся бижутерия, женское нижнее белье. На склад десять лед назад наткнулся один следопыт, он уже погиб, а находки до сих пор меняют у женщин заров на технологии.

– Выбирай что-то одно, – проговорил он довольным голосом.

Девчонка коснулась пудреницы, потом потрогала бусы, взяла бюстгальтер ей явно не по размеру, нацепила на голову. Стоящие позади нее женщины с отвислой грудью понимали, зачем нужна такая штуковина, и загоготали на несколько голосов.

– Твои прыщики прятать не надо!

– Да у нее голова как прыщик.

Напряженное молчание взорвал многоголосый хохот. Даже Ронна тряслась, стараясь сдерживать смех. Рыжая девчонка бросила лифчик, развернулась к обидчицам:

- Да вы на себя посмотрите! Мутанты, а не бабы!
Сейчас начнется потасовка. Яр вздохнул и повысил голос:
– Выбирай уже что-то и не задерживай!

Девчонка схватила бусы, воздела их над головой и показала язык товарке постарше, которая до сих пор смеялась. Далеко отходить она не стала, нацепила бусы, повисшие аж до пупка, и с гордым видом уселась на корточках. Женщины, стоящие в очереди, смотрели на нее с завистью и ненавистью, то и дело доносилось «дура» и «уродина».

Следующие женщины ничего ценного не нашли, а кудрявый мосластый парнишка лет тринадцати, с темным пушком над губой, воровато оглядевшись, сунул в руку Яра нечто железное и попятился. Яр глянул на предмет и от изумления разинул рот. Черная штукovina с патронами! Кажется, она называется «магазин». Или обойма? Точно Яр не помнил. Аж сердце зачастило и запотел лицевой щиток противогаза.

Да, такие находки зары приносили часто, но эта имела огромное отличие: все патроны блестели, словно их протирали перед тем, как снарядить магазин. Да и сам он был чистым, чем-то смазанным. Это значило, что существовал некто и в его распоряжении находилось оружие старого времени! Ведь если есть штукovina с патронами, значит, существует и винтовка... или автомат. И тот, кто может всем этим пользоваться.

Воображение Яра нарисовало мрачные подземные склады, поросшие плесенью стены, вдоль которых – почерневшие от времени коробки, набитые такими вот золотистыми, неиспортившимися патронами. А еще – сохранные, замотанные в целлофан автоматы, пистолеты... Отдельно – гранатометы и десяток ручных гранат. Ну и, гулять так гулять, законсервированная цистерна с топливом, еще пригодным для моторов машин старого времени!

Представилось всеобщее восхищение, рукоплещущие женщины – выбирай лучшую! Сияющую от счастья Юлию, гордую за мужа. Всеобщее уважение и почет, комната в правительственном секторе и Зеленая Карта – наивысшая привилегия анклава Спарта, дарующая возможность спасти жизнь одного бесполезного члена общества, будь то выживший из ума старик или слабый, больной ребенок.

Облизнувшись, он проговорил чужим голосом:

- Где ты нашел это, мальчик?

Глаза подростка засияли, щеки зарумянились, красные прыщи выступили еще сильнее.

- Это ценная вещь? – проговорил он еле слышно.

– Да. Очень ценная, – не стал лгать Яр, вытащил мачете из ножен, пристегнутых к поясу, взмахнул им. – Ты получишь его, если отведешь меня туда, где нашел это.

Бабы за его спиной заохали, запричитали. Кто-то вслух возмутился несправедливостью. Парня же предложение Яра не обрадовало, он побелел, кадык его дернулся, и он попятился, говоря:

- Нет, это очень плохое место, я чудом остался жив.

Солдаты, прикрывающие Яра и Профа, переглянулись. Яр похлопал Профа по плечу:

- Пообщайся с зарами, а я пока побеседую с юношей, отведу его в сторону.

Парень побрел как на заклятие: спина сутулая, руки болтаются, ноги цепляются одна за другую. С тоской обернулся, шумно вздохнул. Яр отвел его к одному из паровых танков, в кабину которого солдаты грузили приготовленные и высушенные зарами дрова. Превозможная отвращение, положил руку ему на плечо, наклонился, чтобы через лицевой щиток смотреть мальчишке в глаза. Парень замер и оцепенел.

- Чем же тебе не нравится это место? Там вооруженные люди?

Подросток помотал головой:

– Н-нет. Оно... плохое. Гиблое то есть. Там полно мутантов, странных, в других местах таких нет, на четырех ногах. А простые появляются из-под земли. Даже когда жарко и нет дождя. Или в мороз. Их много, очень много...

– Ты все это видел и остался жив? – снисходительно спросил Яр.

Мальчик замотал головой:

– Нет, это рассказал Борис и Кося. Еще с ними много было людей, никто не пришел назад. До того, говорят, три человека пропали там. А еще раньше, я мелким был, тоже толпа пропала, один Стас остался, он и рассказал.

– Ну, а сам ты что там делал, раз там так страшно?

Подросток затрясся, обернулся к двухэтажному зданию и пролепетал:

– У меня брат болеет маленький, родители давно... В общем, мутировали. Нам есть нечего, вот я на спор и согласился, за еду. В лесу слышал мутантов и еще... – он шумно сглотнул слюну, – еще я точно знаю, что видел там Призрака. Ну, а пока шел, нашел ту штуку. Мне не нож нужен, хотя нож тоже неплохо. Мне бы лекарство для брата. – Он проговорил жалобно: – У вас ведь есть?

– Конечно. – Яр обернулся: – Проф, антибиотик у нас с собой?

– Как всегда, – отозвался коллега; услышав это, парень аж затрясся.

– Я вам расскажу, как туда идти, – улыбнулся он.

– Нет, этого недостаточно. Ты нас туда проведешь.

Подросток закашлялся, втянул голову в плечи – боится, не хочется ему рисковать. Что ж, надо ему помочь.

– Нож тоже будет твоим, – пообещал Яр и додумал: «Если выживешь и говоришь правду». Все следопыты анклава Спарта слышали от заров о таинственном Призраке. Сведения совпадали в том, что это человек, защитник всех обездоленных, могущественный, располагающий технологиями прошлого. Он носит разные головные уборы, а лицо прячет под черным платком. На этом совпадения заканчиваются. Зары, живущие ближе к Зеленограду, утверждают, что Призрак высокий, под два метра, и глаза у него то ли зеленые, то ли светло-карие. Долгопрудненские зары уверены, что это коренастый черноглазый человек и у него очень низкий голос. Здесь же говорят, что Призрак среднего роста и глаза у него синие, а еще у него есть плащ-невидимка, что сказки, конечно же.

Несколько лет назад Яра увлекла эта тема, он связался со следопытами других анклавов и узнал кое-что интересное: на юге и в центре Москвы зары только слышали о Призраке, но никто его не видел, слухи ходили самые разные, совершенно неправдоподобные. На западе Призрак появлялся очень редко. В районе Звенигорода он появлялся десять-тринадцать лет назад. Потом пропал, зары забыли о нем и успокоились. И вот шесть лет назад появился снова, теперь – на севере.

Это наводило Яра на мысль, что либо Призрак и члены его банды заполучили антивирус, потому живут так долго, либо орудует иммунный или даже несколько иммунных. Причем эти, северные, поняли, что их существование не радует чистых, и держатся подальше от заров, которые вольно и невольно работают на анклавы.

Теперь Яру предстояло принять решение. Первый вариант – повернуть назад, затребовать больше техники и вооруженных солдат. Тогда Яр потеряет время, существует возможность, что его инициативу перехватит кто-то повлиятельнее и сделает себе карьеру, а Яру достанутся крохи со стола. Второй вариант – выдвигаться дальше на север и самому разведывать, что к чему. Может, нет никакого Призрака-иммунного и склада боеприпасов, там попросту гнездо мутантов, которыми руководит Взрослый, возможно, что и не один.

– Жди здесь, – приказал Яр мальчишке – он сразу же уселся на корточки.

Следовало ускорить осмотр условных ценностей или же отложить эту процедуру до возвращения. Яр решил так и сделать, развернулся, хлопнул в ладоши, привлекая к себе внимание, и крикнул:

– Срочное заявление! Сейчас мы уезжаем, сюда вернемся позже. Сворачиваемся, по машинам!

Он запрокинул голову, посмотрел на пронзительно-синее небо, каким оно бывает только поздней весной или ранней осенью.

Прислушался к ощущениям. Обычно на дождь у него ломило поясницу и ныло правое колено, которое он повредил во время тренировки пятнадцать лет назад. Сейчас он чувствовал себя превосходно. Даже если начнет формироваться грозовой фронт, Яр его заметит и повернет технику назад, они должны успеть добраться до анклава.

Четырех паровых танков должно хватить, чтобы противостоять мутантам, которые в сухую погоду малочисленны и вялы. Даже если Призрак – разумное существо, он вряд ли сумеет повредить броню... Вспомнились противотанковые гранаты. Нет, слишком много времени прошло, вряд ли они пригодны к использованию.

Если придется схватиться с мутами, то двадцати восьми человек достаточно, чтобы не только устоять, но и без потерь осмотреть интересующий участок местности.

Проф, шумно дыша, подошел к Яру:

– Что-то случилось?

Яр кивнул и разжал кулак, демонстрируя магазин к оружию старого времени. Даже за щитком противогаза было видно, как округлились глаза Профа, он осторожно взял магазин, положил на ладонь несколько блестящих, новеньких патронов. Не дожидаясь вопроса, Яр объяснил:

– Мальчик проводит нас туда, где нашел это.

– Но... А если там есть люди, которые умеют пользоваться старым оружием? Нет, не «а если» – они там есть! Взять хотя бы легенду о Призраке...

Яр подбоченился и возразил:

– Призрак – существо скорее магическое, физически развитое. Никто не говорит о том, что он располагает технологиями старого времени. Наверное, Призрак – древний мутант, эдакий сверххврослый. Не исключено, что с нечеловеческими способностями.

Проф крикнул, собрался почесать макушку, но вспомнил, что он в резинокольчуге, и сжал кулак.

– Я бы сообщил нашим и решал совместно с ними...

Яр развернул его к себе, заглянул в глаза:

– Можно и так. Тогда, скорее всего, экспедицию снарядит кто-то другой, приближенный к власти имущим, мы же будем рядовыми исполнителями. Если проявим инициативу и привезем что-то стоящее, никуда они не денутся, придется признать наше достижение, и все мы, даже солдаты...

– Да, ты прав, – кивнул Проф. – Лучше рискнуть. Будем надеяться, что легенда о Призраке – просто сказки.

– Зарам нужно в верить в доброго заступника, вот они и придумывают его. Всегда так было, – сказал Яр и скомандовал уже громче: – Все по машинам! Солдаты – полная боевая готовность!

Подбежала Ронна, легонько толкнула в бок.

– Солдат, не спрашивай, – улыбнулся Яр и показал ей магазин и пару патронов.

Молодая женщина не сдержала возгласа удивления, взяла один с таким видом, будто держит драгоценность, кивнула, дескать, поняла, и полезла на паровик, исчезла в люке следом за напарницей, Леной. Зараженный парень поднялся, инстинктивно отряхнулся и пролепетал так тихо, что Яр едва расслышал:

– Мне идти впереди вас?

– Почему же идти? Ты сядешь наверху машины и будешь вести нас.

– Верхом на этой штуковине? – Парнишка вытаращился на паровой танк.

Чтобы наладить контакт и войти в доверие, Яр проговорил:

– Именно. Она не кусается. Меня зовут Ярослав, можно просто Яр, а тебя?

– Волчик.

– Вовчик? – не расслышал Яр, резинокольчуга глушила звуки.

– Да нет же. – Мальчишка вскарабкался на броню и ответил уже оттуда: – Волчик.

«Скоро они забудут человеческие имена и будут называть детей в честь животных и природных явлений. Солнечное лето. Ясная погода. Рассвет. Зарница», – подумал он уже на броне, заглянул через люк в тесную кабину и распорядился:

– Люк пока не закрываю, слушайте меня, ехать будете туда, куда я скажу.

Механик-водитель ответил:

– Понял. Жду дальнейших распоряжений.

Волчик вцепился в стальные перила, ограждающие площадку для пехоты, и позеленел от ужаса. Казалось, он даже не дышит. Когда из трубы в задней части танка повалил дым, парень чуть не свалился на землю.

– Куда ехать? – спросил Яр, когда он успокоился.

Парень тряхнул лохматой башкой, взял себя в руки, огляделся и указал на север, где виднелась красно-белая огромная труба.

– Туда. Потом... Нет, сейчас не скажу. Там поворот будет и дом почти что целый, я покажу.

– Далеко поворот?

Волчик задумался, поскреб прыщавый лоб.

– Если идти, то... не очень. Стемнеть не успеет.

Яр обвел взглядом угрюмых, разочарованных заров. Избитая блондинка так в себя и не пришла, плачущий ребенок гонял с нее мух. Живая она или нет, Яр проверять не стал, сел, свесив ноги в люк и держась за перекладину, что окаймляла площадку для солдат, и крикнул водителю:

– Видишь трубу? Поезжай туда! Через полчаса сбавляй ход, будем разбираться. – Яр обратился к Волчику: – Железная перекладина сделана для того, чтобы за нее держаться. Садись и делай, как я, тогда ты не упадешь.

Парень кивнул и вцепился в перекладину так, что побелели костяшки пальцев.

– Так же опасно, – пролепетал он. – А если мутант нападет?

– Мы спрыгнем в кабину, там нас никакой мутант не достанет.

– Круто. – Волчик гордо вскинул голову и сразу повзрослел на пару лет.

Вырулили со двора, который сразу же заполнили детеныши, принялись ползать по раскрошившемуся асфальту в поисках чего-то интересного, что обронули чистые. Дальше паровик двинулся параллельно дворам, где обитали зары, в сторону многоэтажек с обвалившимися балконами. Там, где окна были деревянными, дерево сгнило, стекла выпали и разбились, и поросший травой асфальт усеивали осколки. Металлопластиковые окна уцелели, и дома напоминали чудищ, лишившихся половины из сотен глаз. Яр прищурился и насчитал семнадцать этажей.

Севернее сияли, отражая солнце, высотки из металла, пластика и стекла. Эти здания разрушались медленнее, потому что строились позже и из более прочного материала. Если бы не выбитые стекла нижних этажей и открытые взору груды мусора, можно было бы подумать, что эти дома по-прежнему обитаемы. Каждый раз проезжая мимо таких зданий, Яр с трудом преодолевал древний инстинкт собирателя: залезть внутрь, подняться по лестнице, исследовать каждую комнату. Наверняка там осталось много полезного. Зары не понимают, что именно они находят, и могут выбросить нужную вещь, а взять какую-нибудь безделушку.

Но стоило помнить: в таких домах скрываются дикие зары, которые отказываются идти на контакт и при возможности нападают. Дикие зары обычно тупее подконтрольных, у них нет оружия, кроме самодельного. Но они вполне сильны и ловки, могут ударить по голове дубиной или бросить камень. К ним иногда попадают топоры и ножи, тогда можно получить

заражение, как Юрий, предшественник Яра. Ему повезло, он не умер от судорог, победил вождя небольшой группировки диких и теперь там верховодит, одновременно ликвидируя самых агрессивных и непокорных умников.

Следующее здание, тоже из металла и стекла, выгорело еще во время эпидемии, аж стекла оплавилась и частично выпали. Яру показалось движение, он приготовил дробовик, прицелился в дыру, где когда-то было окно. До нее было метров пятьдесят – вряд ли агрессор добросит камень или копье, а вот стрела, выпущенная из хорошего лука, могла достичь цели на излете.

– Щит мне и парню, – распорядился он.

Высунулась Ронна, подала тяжелый квадратный щит наподобие тех, что когда-то были у полицейских, затем выбралась сама и уселась рядом так, чтобы закрывать Яра и мальчишку.

– Не высовывайся, – посоветовала она Волчику и спросила: – Долго еще?

– Да, я очень долго шел. Тут наши и чужие уже все облазали, а там опасная зона, никого нет, только мутанты и чудовища. Пока добрался, уже стемнело, и я спрятался в разваленном доме. Думал, до утра не доживу. Ужас! Кто-то бродит вокруг, вздыхает, стонет, я раньше таких звуков не слышал. Волки воют, мутанты режут, словно их кто-то ест...

– Это они друг друга жрут, – сказала Ронна.

Парень мотнул головой:

– Нет. Я-то знаю, что они едят своих, только когда дождь и больше некого. Представьте, какая должна быть тварь, которая поедает мутантов? – Воодушевившись рассказом, он раскинул руки, вспомнил, что тут опасно, и спрятался за щит Ронны, потрогал его с благоговением. – И вот сижу я в укрытии... Там дверь надежная, а окно маленькое, мутант не пролезет... А вокруг кто-то топает. Страшно, аж живот свело. Но я подполз к окошку... Я умею тихо подкрадываться. Выглянул, а там!..

Яр заметил, что тощие руки подростка покрылись мурашками, волосы встали дыбом.

– А там – ходячий скелет. И ног у него – шесть! А спереди, вот тут, – то ли клешни, то ли лапы. И весь он какой-то странный, глаза горят, клыки – во! Как у волка, только больше.

– И ты ночью так хорошо его рассмотрел? – со скепсисом спросила Ронна.

– Да, потому что он светился изнутри. И это правда, в реку меня смой! – Парень ударил себя в грудь, и Яру подумалось, что Волчик не лжет, в тех краях действительно обитает что-то эдакое, очень опасное. Он не исключал, что неведомые чудовища существуют. Стали ведь люди мутантами, хотя по науке такого быть не должно. Одни крушители чего стоят, не говоря уже о Взрослых. Не исключено, что и звери превратились в чудищ. Странно только, почему именно там, а в других местах ничего подобного не наблюдается.

– У страха глаза велики, – махнула рукой Ронна и отвернулась, потеряв интерес к Волчику.

Яр внимательно за ним следил: глаза подростка блеснули злобой, ноздри раздулись. Зары совершенно не умели притворяться, особенно – такие юные. Им еще кажется, что мутация далеко, именно они будут долгожителями и дотянут до двадцати пяти...

Если бы Яр был заром, в лучшем случае мутировал бы семь лет назад, но с большей вероятностью дожил бы до двадцати, как большинство, и двенадцать лет назад пополнил бы число опасных безмозглых тварей, причем был бы в самом низу иерархии, потому что потомство тех, кто был людьми, сильнее и жизнеспособней родителей.

А что будет, когда Взрослые размножатся... Их детеныши, наверное, не за четыре года взростеют, а за два. Видимо, именно такие твари обосновались на севере.

От рассказа мальчишки неуютно стало на душе, появилось дурное предчувствие. Не поздно ведь повернуть назад, в Спарте собрать совет и выдвинуться большим числом, с

огнеметами, против которых никакая тварь не устоит. А так огнемет есть только на машине Витязя, второй в колонне.

Нет, поздно. Такой шаг будет расценен коллегами как трусость. Взрослый мужчина поверил рассказам мальчишки с большим воображением. Ему и самому стало смешно: свещающееся шестиногое чудище с клешнями! Вдобавок ко всему оно – скелет!

Одно было ясно: парень не врал. Может, приукрасил действительность, но факт остается фактом: он видел что-то скверное.

Ронна выругалась и указала вперед, на дорогу, посреди которой валялся труп, облепленный воронами. Увидев приближающиеся паровики, птицы взлетели с раздосадованным клеткотом, по спирали поднялись в небо и начали нарезать круги над колонной.

– Теперь они не отстанут, – сказал Яр, прищурился, попытался пересчитать птиц: штук пятнадцать плюс-минус. – Но их слишком мало, дождя нет, так что вряд ли они будут нападать...

– Пока их не станет больше, – добавила Ронна.

– Предлагаешь их перестрелять?

Ронна мотнула головой:

– Не получится, только зря патроны израсходуем. Нам за это спасибо не скажут, ведь обязательно найдется предатель, готовый донести.

Когда подъехали ближе, стало ясно, что труп человеческий, женский, объединенный до костей. Вороны растащили по дороге кишки, да так и бросили. Оставалось надеяться, что отстанут, вернулся сюда и продолжат пиршество.

Волчик указал на труп:

– Плохой знак.

– Тогда вся жизнь состоит их плохих знаков, – сказал Яр.

Колонна объехала труп, лежащий верхней частью туловища на обочине, нижней – на дороге. Ронна предложила:

– Давайте пока спрячемся в кабине. Если вороны полетят за нами, привлекут других зверей и заров, а этого нам не надо.

– Разумно, – кивнул Яр, подал свой щит и прыгнул внутрь.

Ронна и Волчик последовали за ним. Парень забился в дальний угол, прижался к стене, Яр приник к округлой бойнице-иллюминатору, куда едва рука пролезет, если разбить стекло, открывающееся при необходимости. Обзорность была препаршивейшая. Мало того что стекло потеющего щитка ухудшало видимость, еще и к иллюминатору не приникнешь как следует, не присмотришься. Одно мучение, а не слежение за обстановкой!

Мимо проплывало длинное многоэтажное здание, похожее на корабль. Его левое крыло выгорело, крыша провалилась внутрь, как и верхние этажи, а на остатках балконов зеленели кусты и пожелтевшие за лето пучки травы.

Чем дальше от центра городка Лобня, тем больше природа заявляла о себе. Еще три десятка лет, и такие здания исчезнут с лица земли, порастут травой... Вспомнился план оптимизации, предложенный Главкомандующим. Вместе со зданиями исчезнут и убежища заров, и их постепенно вытеснят мутанты. Но чистые приручили заров и с некоторыми племенами живут в мире, они приносят пользу, исследуют местность, проникают в такие дыры, куда чистый побойтся сунуться, добывают полезные ископаемые, выращивают еду. Значит, следует оставить только ручных, возвести для них убежища, и пусть работают на благо анклавов, другого выхода у них не останется...

– Ну, что там? – поинтересовалась Ронна.

Яр откинул люк и отметил, что вороны вернулись доедать труп.

– Чисто. Надо на броню, а то поворот пропустим. Волчик, давай вперед... Хотя нет, лучше сначала я.

Он вылез, пригнулся, спрятался за щит. С обеих сторон разбитой дороги, заставленной ржавыми корпусами брошенных машин, были дома по двенадцать этажей, одни почти целые, от других остались только стены с оконными проемами. На межэтажных перекрытиях, проваленных крышах, в трещинах замшелых стен росла трава, корнями разрушая строения. Трава поселилась даже в мусоре на машинах, корни проникли сквозь трухлявый металл и свесились внутрь кабин, как внутренности.

Но не развалины больше всего настораживали Яра – уцелевшие здания, где вполне мог притаиться враг. Когда рядом села Ронна, прикрывая спину, стало поспокойнее. Но тревога возвращалась, стоило вспомнить испуганное лицо Волчика и волосы, поднимающиеся дыбом.

Парнишка выбрался последним, повертел головой по сторонам и как заорет, тыча пальцем на стекла магазина, за которым угадывались поваленные куклы в рост человека:

– Туда, туда надо! Вон он, поворот!

– Сбавить скорость! – крикнул Яр в распахнутый люк, впился взглядом в витрину, где когда-то был магазин одежды. – Волчик, где именно поворот?

– Да вот же он, вот!

Когда-то на улицах было так много машин, что они скапливались, не могли проехать, и чтобы оптимизировать движение на дорогах, существовали специальные знаки. Яр много времени провел в библиотеке, чтобы научиться их читать. Даже сейчас это помогало правильно выбрать направление.

– Тормози! – скомандовал он, и паровик остановился, как и два других, едущих позади.

Здесь был перекресток с висящим на столбе навсегда погасшим светофором. Под ним имелся указатель направления движения: две стрелки показывали прямо на север, вторая – на восток.

– Итак, нам куда? – переспросил Яр.

Мальчишка встал и махнул на восток:

– Туда. Мы половину пути уже проехали.

– Это не может не радовать, – сказал Яр и уставился вперед.

Его ждала неизвестность. Что принесет она – крах или почет? Возможно, он получит заражение, не исключено, что умрет... Но беременная жена не пропадет, Спарта заботится о детях и сильных женщинах. Даже слабым женщинам находится применение: когда сильные сопровождают мужчин и выполняют опасную работу, они присматривают за детьми в интернатах. Раньше детей при рождении забирали у матерей, чтобы женщины не портили будущих воинов, но ни к чему хорошему это не привело.

Интернаты оказались именно тем, что надо. Детей распределяли по способностям, и их обучали пожилые, женщины и люди, имеющие к этому склонность. Но такая работа считалась позорной. Как и уборщики, работники пищевого сектора, чиновники, так и воспитатели не имели права голоса, и Главнокомандующий выбирался без учета их мнения.

Зато отличившихся воинов и людей, совершивших подвиг, ждали самые интересные задания, у них появлялись шансы принести еще больше пользы. Они имели реальные шансы или перевестись в правительственный сектор, или быть увековеченными на Стене Памяти.

Ход мыслей оборвала стрела, чиркнувшая о щит.

– Раздери тебя мутант! – воскликнула Ронна, вскинула дробовик и пальнула в ближайшую высотку.

Грянул выстрел, перекрывая рев мотора, зазвенело огромное черное стекло, куда попала картечь. Оно осыпалось, будто в замедленной съемке: сначала взялось трещинами, потом вздрогнуло и начало оседать. Брызги осколков, упав на траву, засияли всеми цветами радуги.

Зараженные больше не нападали – то ли сообразили, что орешек им не по зубам, то ли агрессора пристрелила Ронна. Спасибо, напомнили о том, что расслабляться не стоит и опасность за каждым поворотом.

Когда паровик поравнялся с забором из серых бетонных плит, Яр командовал водителю:

– Тормози!

Водитель выполнил приказ, и Яр объяснил:

– Надо свериться с картой, посмотреть, далеко ли водоемы. Волчик, сколько нам еще ехать?

Подросток задумался, сморщил лоб.

– Нууу, столько же, наверное.

Водитель достал из бардачка старинную потрепанную карту, на потертых сгибах укрепленную пленкой. Сел на лавку рядом с солдатом, расстелил ее на коленях, пытаясь сообразить, где находится колонна. Провел пальцем по оранжевой артерии дороги, остановился на перекрестке, повернул направо, проскользнул немного, и дорога пошла вверх и севернее. С обеих сторон были прямоугольники промышленных зданий, которые облазили вдоль и поперек, дальше начинался лес, отмеченный на карте как схематичное деревце сосны.

– Волчик, ответь, сначала ты пробирался через странные огромные дома, где много ржавых механизмов, потом попал в лес...

Парень закивал и добавил:

– Когда шел по лесу, стемнело, я стал искать, где ночевать, уже думал вернуться туда, где здания, и случайно нашел то, что вам отдал. А! Еще в лесу были дома, маленькие и ненадежные, и лес там тоже маленький.

– Понятно, – резюмировал Яр, ткнул пальцем в неподписанный поселок. – Значит, нам сюда. Хммм... Надо же, я подумал бы, что там ловить нечего. Но вода далеко... Идеальное убежище для людей.

– Наши там были? – уточнил водитель.

– Нет, – ответила Ронна. – Еще десять лет назад спартанцы обыскали все промышленные здания, ушло на это целый год, много людей погибло...

– Ага, вспомнил, – сказал водитель. – Но три человека теперь увековечены на Стене Памяти, найдено много сохранившихся технологий. А дальше искать нечего, на десятки километров – мутанты, населившие ветхие жилища.

– За десять лет многое могло измениться, – задумчиво проговорил Яр, отдал карту водителю, показал пункт назначения: – Мы едем сюда.

Водитель помедлил и кивнул:

– Надеюсь, Яр, ты не ошибаешься.

– Нас ждет много неожиданностей. – Яр хищно улыбнулся и обрадовался, что его улыбка не видна за противогазом.

От выброса адреналина сердце то замирало, то пускалось в галоп. Много лет он не испытывал это головокружительное чувство, которое придает сил и окрыляет.

Паровые танки еще раз повернули и двинулись теперь по дороге, тянущейся вдоль бетонных блоков, за которыми виднелись строительные краны и ржавые металлические сооружения, похожие на скелеты исполинских существ.

Яр сидел на броне, сжимая дробовик, вертел по сторонам головой, приглядываясь к рухнувшим плитам, откуда могли выскочить мутанты или зары. Но ни тех, ни других тут не наблюдалось, хотя место было более чем удобное для их существования. Он посмотрел на парня, и его осенило.

– Слушай, Волчик, ты ведь и раньше лазал по этим развалинам, – он обвел окрестности широким жестом.

– Случалось, – ответил подросток мрачно.

– Вспомни, может, слышал что-то интересное: выстрелы, например. Или еще что.

Парень потер лоб, уперся в него пальцем, словно стимулировал извилину.

– Стоны слышал. Скрежет какой-то странный и еще такой звук... – Он щелкнул пальцами, скривился, подбирая слова. – Как будто едет машина, но не такая громкая, как ваша, а маленькая.

– А следы?

– Следов не было. Там же кругом асфальт, не остается их. А! Были эээ... кучи дерьма. Много старого дерьма в больших домах. Его там столько, словно там зимовало целое стадо. А сейчас – ни одного мута.

– Мигрировали к воде, – предположила Ронна. – Но перед тем поели всех заров, и они боятся сюда ходить.

– Ты очень смелый, – похвалил Волчика Яр. – И везучий.

Парень гордо вскинул голову и сплел пальцы в замок. Впервые в жизни Яр испытал сочувствие к зараженным, которых считал тупыми животными, и мысленно пообещал себе, что вне зависимости от результатов вознаградит храброго юношу.

Вскоре начали попадаться территории, поросшие молодыми слабыми соснами. Чем ближе к лесу, тем агрессивней наступала природа. Деревья росли на крышах, на поваленных плитах заборов, лезли из выбитых окон огромных ангаров.

– Давайте спрячемся, – предложил Волчик. – Потому что уже очень скоро...

Яр невольно вздрогнул, когда над лесом разнесся скрежет, словно стонало умирающее стальное чудовище. Что за глупости в голову лезут! Просто рухнуло одно из ржавых строений. Или кто-то распахнул гигантские ворота, и заскрипели несмазанные петли.

– Что это? – прошептала Ронна.

– Ничего страшного, – успокоил ее Яр.

Он не сказал бы с уверенностью, сколько сделал вылазок на поверхность. Поначалу каждый раз он мысленно умирал, уходя в поход, тряся в комнате обеззараживания, прощался с жизнью, когда у него брали кровь на анализ. А вдруг костюм прохудился и он получил заражение? Потом страх притупился, и он стал воспринимать неприятную процедуру как должное.

Теперь же вернулось ощущение опасности, тревога. Он жутко потел, дергался от малейшего шума, ему чудилось, что кто-то держит его на мушке.

Движение со стороны Ронны. Яр направил дробовик туда, но никого не увидел. Где враг? Спрятался за здоровенной пластиковой бочкой? Лег за руинами?

– Ронна, ты ничего не заметила? – еле слышно проговорил он, стараясь держать подзрительный участок в поле зрения. – Только не поворачивайся. Там, где развалины ангара, кто-то был.

Ронна подняла щит и спросила:

– Человек? Зверь? Мут?

– Движение, – ответил Яр. – Больше ничего не скажу.

Волчик втянул голову в плечи и повторил:

– Ну давайте спрячемся!

– Не бойся, мы закроем тебя щитами, – успокоила его Ронна.

Подросток судорожно вздохнул и сдался. Он сидел между Ронной и Яром, защищенный с двух сторон, и старался не смотреть вокруг. По его коже то и дело пробегали мурашки. Что же он видел тогда, во время своей безумной вылазки?

На пути стало попадаться все меньше целых построек. Вот стеклянное кафе под навесом заправки. Колонки поржавели. Пистолеты кто-то вырвал вместе со шлангами, плитка раскрошилась, и из трещин лезли пучки травы.

Дорога, по которой давно никто не ездил, покрылась наносами из хвои, грязи и пожухших целлофановых пакетов. Казалось, сотни лет тут не ступала нога человека, повсюду лишь смерть и тлен. Ветер шевелит сосновые ветви-лапы, словно даже деревья стараются не пустить, напугать.

– Мы правильно едем? – спросила Ронна.

Волчик дернул плечом:

– Вроде да. Точно место показать не смогу.

– Нам оно и не нужно. Важнее направление.

– Севернее держитесь, – посоветовал Волчик и съезжился, Яр прокричал приказ в распахнутый люк, и танк, немного развернувшись, устремился на север, сминая молодые сосенки, бетонный забор, колючую проволоку, остовы ржавых машин, выстроенных вдоль бордюра.

За забором была просторная асфальтовая площадка, не тронутая временем, стоянка возле двухэтажного серого здания, тоже относительно целого, если не считать отвалившейся штукатурки. Точно такое же здание было напротив первого, а дальше имелся производственный комплекс с ангаром и какой-то техникой, объехать его можно было, только повернув налево, туда и направился паровик, двинулся вдоль кирпичной стены по осыпавшейся штукатурке. Обогнул строение, раскрошил колесами рухнувшую плиту забора и вырулил в лес, где сосны вздымались до самого неба.

Яр велел водителю остановиться, дождался остальных. Раз, два... А где четвертый танк? Только он спустился, чтобы связаться с экипажем по переговорному устройству, как оттуда донесся голос Витязя:

– Яр, прием! У нас небольшая поломка, езжайте без нас, но не спешите, мы вас догоним.

– Вас понял. Колонна, продолжаем движение.

– Ни одного мутанта, – размышляла вслух Ронна, сидя на броне напротив Яра. – Почему их нет? Место ведь идеальное для логова, столько подвалов...

– Водоемы далеко, еще жарко, вот они и...

Он замолчал, когда увидел впереди заросли камыша, сглотнул. Там или болото, или ручей, не обозначенный на карте. А может, вода высохла, а камыш все еще растет? Паровик сбавил ход.

– Все в кабину, живо! – скомандовал Яр и прыгнул внутрь, за ним с радостью последовали Волчик и Ронна.

Захлопнули люк. Экипаж принял к бойницам в броне. Танк качало, и Яр постоянно бился лицевым щитком о металл и не мог встать устойчиво. Мелькали столбы стволов, потом они закончились, и Яр, склонившись, шагнул к водителю, чтобы через лобовое стекло посмотреть, как обстоят дела с водой, и отшатнулся, когда к стеклу прилепилась разъявленная пасть, мелькнул вытаращенный, полный злобы глаз.

Мутант, родной! Яр обрадовался ему, потому что мутанты должны водиться в большом количестве, а здесь их не наблюдалось. Значит, они ушли, освободив место чему-то еще более ужасному, неизвестному.

Броня паровиков представляла собой не цельный металлический лист. В него спереди, сзади и по бокам были встроены острые стальные ножи – разработка Спарты. Если дернуть за рычаг с красной ручкой, из брони сверху вниз выскальзывали острые метровые лезвия. Ронна успела первой дернуть рычаг – мутант отлепился от брони с диким ревом, перекрывающим шум мотора. Сейчас смертельно раненная тварь корчится, истекая кровью. Испо-

лосованный таким образом человек скончался бы на месте, мутант еще некоторое время будет жить. Если это крушитель, то, возможно, через пару дней регенерирует, у них отменная живучесть. Остальные сдохнут, но перед смертью они еще способны некоторое время сражаться.

Возле труб, что в задней части танка, лезвия длиннее, ведь это самое уязвимое место паровика. Ронна подняла рычаг – лезвия вернулись на места и стали частью брони.

– Приготовиться дать гудок! – скомандовал Яр и глянул в бойницу, но мутант исчез из поля зрения, зато удалось разглядеть высохшее русло небольшой речки и углубления, где были лужи подсыхающей грязи. Наверное, где-то остались болотца, в них и сидят мутанты, наслаждаются, пускают пузыри. А вот и они вылезли из камыша.

Вторая тварь атаковала танк сбоку – рычаг опустила Лена и отправила мута на тот свет. Больше они не нападали, но бежали следом: то и дело в зарослях крапивы мелькали их плешивые головы. О броню чиркнул один, второй, третий камень.

– Что у нас с давлением пара? – спросил Яр.

– Едем медленно, все в норме, – ответил водитель.

– Хорошо. Тогда, наводчик, дашь гудок на счет три. И раз, и два, и три!

Танк взревел. Волчик запрокинул голову, помотал ею ошалело. Яр поначалу так же реагировал на гудок, потом привык.

Мутанты ненадолго остановились, закрыв уши руками, но вскоре продолжили преследование. Их было мало, Яр предположил, что отбиться будет нетрудно.

Проще было бы, если б муты нападали поодиночке. Тогда лезвия покروшили бы их и не пришлось тратить боезапас. Но они вели себя так, будто ими руководит Взрослый, и Яр готовился к любым гадостям. Одно радовало: мутов немного, они вели себя вяло и не проявляли особой агрессии. Конечно, встретясь им люди, напали бы и разорвали, только броня и спасала положение.

Вскоре шмякнулся о броню последний камень, и муты отстали. Теперь со всех сторон был сосняк без подлеска, и пространство просматривалось метров на сто вперед.

Неужели жалкое стадо мутов так напугало заров, что они не ходят сюда? Только Яр подумал об этом и придушил тревогу, как заметил движение между сосновыми стволами впереди и слева, замер, силясь разглядеть существо, которое там двигалось.

– Что это? – воскликнула Лена.

Яр шагнул к перископу, навел его на интересующее место:

– От нас мчится странное существо, бурое, лап не видно. Сверху как будто кости. Оно повернуто задом, что у него спереди, не разобрать.

– А вы мне не верили, – проговорил Волчик, бледнея.

– Дай мне посмотреть. – Ронна отгеснила Яра и прокомментировала увиденное: – Он удаляется. Бежит быстрее, чем едет наш танк. Лохматый. Не мутант, точно.

– Медведь-мутант? – проговорил все время молчавший солдат, замерший на лавке. Его и второго солдата Яр знал плохо, они были из другой команды.

– Раньше таких не было, – отозвалась Лена.

– Раньше были просто мутанты, слабые, но живучие. Теперь – и прыгуны с бегунами тебе, и хрипуны, и крушители с клыкарями, – сказал Яр.

Ронна, глядящая в перископ, продолжала рассказывать, что снаружи:

– На медведя зверь не похож. Скорее лошадь, но ниже. И бежит странно, без рывков. О! У него на спине огромный горб, переходящий в голову. Позвонки видны... Все, исчез из вида.

Яр вернулся к бойнице. Опасность миновала, и один из плохо знакомых солдат, сидящий в висячем стуле, который крепился к башне с пулеметом, покинул пост. У перископа

Ронну сменила ее напарница Лена, замерла, а потом дернулась и стала перебирать ногами, как взволнованная лошадь.

– Вы это видите? – прохрипела она. – Впереди навстречу нам наползает какой-то розовый туман!

Яр, глядевший вбок, скосил глаза и боковым зрением увидел на ветке сосны существо с крыльями летучей мыши и человеческим лицом. Но через долю секунды на том месте уже не было странного зеленоватого мутанта, а крепился к стволу нарост.

Неужели почудилось?

– Не нравится мне этот туман, – сказал водитель. – Туман – это сырость, сырость – мутанты.

Туман не наступал, но и не рассеивался, висел над землей, поднимаясь не более чем на метр, выбрасывая вверх щупальца протуберанцев. Казалось, если въехать в аномалию, броня танков возьмется ржавчиной и рассыплется в труху, как в страшных книжках, которые Яр читал в детстве.

– Нам еще не поздно повернуть, – проговорил танкист.

– Да-да, – закивал Волчик. – Он прав.

Яр же с сожалением отметил, что не получится ступить на землю: в тумане ничего не видно, там могут прятаться мутанты, к тому же неизвестно, на что способны странные существа и остановит ли их картечь пулеметов. Лена, глядящая в перископ, воскликнула:

– Туман локализован в одном месте, дальше его нет! Советую его объехать.

– Полностью поддерживаю, – сказал водитель и начал разворачивать танк.

– Да, так разумнее, – согласился Яр. При одной мысли о неизвестности, скрывающейся в белом мраке, будто стальная рука стискивала горло и становилось душно.

– Там... другие твари! – воскликнула Лена и отошла от перископа, подпуская Яра.

За туманом между стволами виднелось блестящее то ли металлом, то ли чешуей тело. Тварь стояла и смотрела, не спеша нападать. Наверное, раньше не видела бронетехнику на ходу и инстинкт самосохранения преобладал над агрессией.

Толком разглядеть существо не получалось, но сомнений не оставалось: именно эти твари согнали мутов с насиженных мест. Значит, твари еще более опасны. А так хотелось побродить, поискать интересные вещи, следы присутствия...

Чешуйчатая тварь двинулась с места и потекла прочь от танков. Испугалась, сволочь, и это хорошо. Ясно, что она небольшая, размером с теленка, сколько лап и есть ли спереди клешни, отсюда не разобрать.

– Твою мутанта мать, – не удержалась Ронна. – Что же это... О, задери тебя клыкун! Яр, посмотри налево, тут на березах...

Тело в шкурах, нанизанное на срезанное молодое деревце, как на вертел. Острый конец кола выходит через рот. Сквозь черные остатки кожи белеют кости. Пишут, давным-давно был такой способ казни: живого человека сажали на кол, который проходил через все внутренности. Но сейчас... Кто? Зачем?

Скелет детеныша на колу. Половина зара на одной березе, половина – на второй. Бедолагу привязали к согнутым деревьям, а потом их распрямили. Повешенный на суку – тоже почти скелет. С клетотом вспорхнули три вороны, закружились над колонной.

– Твою... – прохрипел водитель и остановил машину. – Яр, тебе, наверное, не видно, но... Подойди сюда. Посмотри в стекло.

Яр уступил перископ сестре, пригибаясь, шагнул к водителю и оторопел. Небольшую поляну, окруженную березами и соснами, усеивали человеческие кости – старые, выбеленные солнцем и водой, и свежие, с бурыми кусками кожи.

Сложенные черепа образовывали шесть пирамид в рост человека, стоящих по кругу. Какой-то неведомый маньяк рассортировал кости: бедренные – к бедренным, стопы – к сто-

пам. Наиболее отвратительно выглядели позвоночники с грудными клетками, оскалившиеся ребрами.

– Что это такое? – проговорил Яр. – Зачем? Кто это сделал?

Лена подошла к нему, чуть нагнулась и указала на черный камень, вокруг которого вытоптали траву. Белую мраморную плиту покрывали потеки засохшей крови.

– Посмотри. Камень похож на голову.

Отмечая, что начинает портиться зрение, пора делать зарядку для глаз, Яр прищурился. И правда, на него смотрела башка неведомого чудища: лицо вроде человеческое, но челюсти выдаются вперед, нос широкий, почти собачий, обвислые уши до земли и разинутая пасть, откуда высунут длинный черный язык.

– Зары так не делают, им не до того, – принялся Яр размышлять вслух. – Им бы выжить. Мутанты... Это ведь алтарь! Тут кто-то кому-то поклонялся. Но при чем чешуйчатые и мохнатые монстры? Нет, этого просто не может быть!

– А если присовокупить странную находку, то можно сделать вывод, что тут толпа сумасшедших зараженных, злых, как те, что живут в Домодедово и не подпускают к себе наших. У тех тоже есть оружие старого времени.

Яр мотнул головой:

– Не факт. Зары все-таки люди, а тут... Мы должны разобраться, что здесь происходит, пристрелить хоть одного странного зверя... или зара. Или Взрослого, который прожил много лет, поумнел и нашел радость в мучениях людей...

Он смолк, заметив на осине венки... два, три огромных венка из противогазов. Черепа висели на ветвях, как яблоки. Некоторые упали на землю.

Кулаки невольно сжались, и Яр прошептал:

– Плешивые твари. Кто бы это ни был, их нужно уничтожить, стереть в порошок...

Ронна положила руку ему на плечо:

– Лучше сделать это позже. Нас мало, мы плохо вооружены. Представь, если у врага есть, например, гранаты.

– Поворачивай назад, – проговорил Яр, и в этот момент над лесом разнесся то ли рев, то ли плач, от которого кровь стыла в жилах.

Теперь Яр не стеснялся эмоций:

– Скорее, уходим!

Танк развернулся и поехал по своим же следам. Сзади пристроились еще две машины. Яр смотрел в перископ, расширенный так, чтобы туда было удобно заглядывать в противогазе. Заскрипело ТПУ¹, донесся голос одного из механиков-водителей, в нем угадывалась истерические нотки:

– Яр, прием! Я правильно понял, что мы возвращаемся?

Яр шагнул к водителю, наклонился и распорядился:

– Да, ты совершенно прав. Мы уходим. Внимание всем! Возвращаемся в анклав! Прибавить пару!

Незнакомый боец, что пониже, метнулся к двери в кочегарное отделение, откуда дохнуло жаром. Закрывать он не стал, и прежде чем шагнуть к перископу, Яр увидел огонь в распахнутой топке и склонившегося солдата с поленом в руке. Ронна посторонилась, пропуская брата.

Ничего сверхординарного снаружи не наблюдалось. Розовый туман по левую сторону машины почти рассеялся. Из труб позади идущих танков валил дым, такой густой, что не было видно леса...

¹ ТПУ – танковое переговорное устройство.

Стоп! Это не дым танков, очень уж он плотный и белый. Складывалось впечатление, что опустилось облако, в котором движутся смутные тени...

Что происходит, он сообразил только, когда на последний танк в колонне прыгнул мутант.

– Всем занять боевые посты! – крикнул Яр. – Готовимся отражать нападение!

Он еще хотел сказать, чтобы максимально ускорились, но язык прилип к нёбу – мельком Яр увидел то, что не предназначалось для его глаз. В скудном розовом тумане, поблескивая стальной ромбовидной чешуей, мчался странный зверь с огромным горбом. Горб повернулся к танку, и Яр различил голову, плечи, торс... Да это человек в чешуйчатом костюме! И не зверь под ним – механизм...

Задыхаясь от волнения, Яр бросился к водителю, склонился над ТПУ и крикнул:

– Внимание! Уровень опасности – красный! Пулеметчикам – занять позиции! – Толкая водителя локтем, Яр связался с анклавом: – Спарта! Внимание! Мы атакованы разумными существами, обладающими неизвестными технологиями. Предположительно...

Радио захрипело помехами, Яр ударил его кулаком и продолжил, матерясь, терзать верньеру. Приникшая к перископу Ронна комментировала происходящее:

– Ими руководит Взрослый! Они пытаются сломать трубу и повредить клапан! Их сотни!

Пулеметчик повернулся вместе со стулом, затарахтело орудие, его затрясло отдачей.

– Глянь, слева, похоже Призрак. Тот самый.

– Нет там никого, – ответила Ронна, и Яр оттолкнул ее.

И правда, странного существа и след простыл.

Яр обвел глазами свою команду: Волчик скукожился на лавке, закрыл уши руками, один боец работал в кочегарке, второй высунул дробовик наружу и то и дело жал на спусковой крючок. Пулеметчик стрелял из крупнокалиберного орудия, и грохот стоял такой, что оглохнуть можно. Лена работала рычагом справа, Ронна – слева. По кузову бахали брошенные камни, цокали когти. Яр представлял, как катит колонна, как машины оцетиниваются лезвиями и десятки мутов, корчась, падают в траву, орошают ее кровью.

Он еще раз подергал верньеру – радиоэфир молчал. Мысль о том, что сигналы глушат, он озвучивать не стал, чтоб не сеять панику, все и так нервничали.

Отойдя от перископа, он видел только то, что впереди. Лес понемногу редел, еще чуть-чуть, и они доберутся до промзоны.

Позади грохнул взрыв. Яр метнулся к перископу: танк, который шел последним, разворотило, сорвав башню, он представлял собой груды дымящегося металла. Что с ним случилось: мутам удалось повредить клапан и взорвался бак или применили оружие старого времени, Яр не знал.

Муты прыгали на броню, тут же падали, сраженные лезвиями. Действовали они разумно и слаженно. Точно, тут без Взрослого не обошлось, но где же он? Если уничтожить вожака, муты утратят способность выступать единым фронтом.

– Мы потеряли танк Профа! – воскликнула Лена, дергая рычаг лезвий.

– Кто-нибудь понял, что с ним случилось? – спросила Ронна.

В ответ Волчик еще сильнее зажал уши руками и, скуля, попытался забиться под лавку. Наводчик угостил мутантов зарядом картечи, Лена зло и отчаянно передернула затвор дробовика и высунула ствол наружу, открыв бронированное стекло, закрывающее бойницу.

– Может, дать гудок? – предложила она.

– Нет, тогда мы потеряем в скорости, – ответил Яр.

Полыхнул второй танк. За стеклом мелькали полуразрушенные здания какого-то завода, танк Яра катил вперед, уже не придерживаясь направления, по бронированному

переднему стеклу хлестали сминаемые молодые сосны. Он летел, не разбирая направления, и давно отклонился от изначального маршрута.

Закрывая обзор, к лобовому прилепился мутант, оскалился. Водитель резко затормозил, но тварь удержалась. Спереди машины лезвий не было, и Яр крикнул:

– Кто-нибудь, уберите оттуда мута, а то не видно, куда мы едем!

– Ничего не получается. Танк слишком неповоротливый, – отозвался водитель, сдал назад, рванул вперед, но твари это было нипочем.

Ни разу в жизни Яр не видел мутанта так близко: почти человеческое лицо, поросшее белесым пухом, свалывшиеся патлы, несоразмерные желтые зубы... Клыкарь. Самое скверное, мутант соображал, что он делает и зачем, и всеми силами старался удержаться, закрыть обзор своим телом.

От удара Яра бросило вперед. Он ударился солнечным сплетением о водительское кресло, и перед глазами потемнело от боли. Рев мотора, возгласы муттов отодвинулись на второй план. Он даже не сразу сообразил, что машина стоит неподвижно, отчаянно матерясь, водитель щелкает кнопками и давит на рычаги.

Превозмогая боль, Яр распрямился. Мутанта сбросило с лобового стекла на бетонную стену, которая была в паре метров впереди, он извивался, пытаясь снять себя с проткнувшего грудь ржавого штыря.

– Похоже, приехали, – резюмировал водитель, откидываясь на спинку кресла.

– Сделай что-нибудь! – взмолилась Лена и забормотала, крутя головой: – Нет, я не могу тут умереть, я должна вернуться, у меня там дети!

К ней шагнула Ронна, отвесила подзатыльник:

– Работай! У всех дети. Мы – спартанцы, тебе должно быть стыдно.

Внушение подействовало, и женщина бросилась к красному рычагу, дернула его – раздался предсмертный вой мутанта. Мотор танка заглох, ухал огонь в топке, скулил Волчик, скрутившийся на полу калачиком, каждый выстрел казался взрывом.

– Они повредили гудок, – пожаловался наводчик.

Яр лихорадочно соображал. Уехать не получится, потому что при таком натиске мутантов починить танк нереально. Если топка продолжит работать так же интенсивно, большая вероятность, что наступит перегрев и накопительный бак взорвется. Или же мутанты сломают клапан, и все равно машина взлетит на воздух. Мгновенная смерть, никто даже не поймет, что умирает. Гораздо хуже, если мутанты проникнут в кабину и начнут жрать людей живьем.

Выхода из ситуации Яр не видел. Рано или поздно закончится картечь, и пулемет на башне замолчит. И мутанты найдут слабое место в броне. Например, пара крушителей вполне способна свернуть люк, и тогда...

– Топку тушить? – крикнул солдат из кочегарки.

– Нет! – бросил Яр отчаянно и зло. – Наоборот, наподдай!

– Но тогда ведь...

– Выполний!

– Так точно.

Ронна и Лена, похоже, не понимали, какую судьбу им приготовил Яр. Он не верил в спасение. Только чудо может сохранить их жизни. Даже если Витязь починит танк, то двинется по следам в лес и вряд ли найдет уцелевший экипаж, который сейчас не пойми где. Яр посмотрел в перископ, но ничего не увидел – мутанты сломали его. Теперь оставались только застекленные бойницы, через которые можно было выглянуть наружу, но делать этого Яр не стал. Он и так знал, что происходит, и рисовал воображением сужающееся кольцо мутантов, обступивших танк.

Вспышка взрыва – и нет больше ни экипажа, ни вечно голодных тварей.

– Может, вы меня прикроете, а я пытаюсь починить машину? – предложил водитель, привстал, выглянул в бойницу справа и покачал головой: – Нет, не получится, их там сотни.

– Кто-нибудь видит Взрослого? – спросил Яр. – Нам надо уничтожить его, тогда будет шанс.

– Не видно. Прячется, зараза, – отозвалась Ронна.

Умница. Достойная дочь Спарты, знает, что ее ждет смерть, но все равно невозмутима, хотя даже второй солдат поник. Сел, поставив дробовик между колен. А вот пулеметчик выполнял свою работу отменно. Хотелось подойти к каждому, похлопать по плечу, ободрить, сказать, что он счастлив работать с таким человеком, проститься хотя бы с Ронной...

– Кажется, вижу Взрослого! – оживился пулеметчик, и тут танк трянуло, за бойницами прокатилась волна огня, лизнула лобовое стекло.

На сотни глоток заорали мутанты, стало жарко, как в аду. Яр скопил взгляд на щиток приборов, где стрелка, показывающая давление, дергалась между красным и оранжевым диапазонами.

Затрещало ТПУ, донесся взволнованный голос Витязя:

– Яр, вы там живы? Скорее выбирайтесь из машины, мы вас прикроем!

Яр не поверил своим ушам. Вот оно, чудо! Команда Витязя починила свою машину и прибыла на помощь! У них единственных был огнемёт.

– Мы спасены! – радостно воскликнула Лена. Яр распорядился:

– Туши топку! Будем жить!

Валявшийся на полу зареванный Волчик улыбнулся. Из переговорного устройства донеслось:

– Пока сидите в кабине, я еще их поджарю, они, гады, живы, вслепую на танк кидаются.

Перед лобовым была бетонная стена, Яр посмотрел в бойницу, и ему стало не по себе. Снаружи метались живые факелы, сталкивались друг с другом, валялись на обожженной земле, сияясь сбить с себя огонь. Те муты, что были дальше и не попали под раздачу, тарасились на соплеменников и не решались нападать.

Танк Витязя покотил к мутантам, выплюнул огненную струю.

– Не выходите из машины, у вас броня раскаленная, я их поразгоняю пока, а вы считайте до ста и айда в мой танк.

Яр уперся в люк и отдернул руки: металл был горячим и мог расплавить резинокольчугу. Витязь прав, придется немного подождать.

Раз, два... Воят обожженные муты, валяются по земле. Двенадцать, тринадцать. Истерически хохочет Волчик, запрокинув голову. Тридцать шесть, тридцать семь. Наводчик покидает боевой пост, хлопает Яра по плечу, заводит дрожащие руки за спину, чтобы скрыть слабость. Пятьдесят три, пятьдесят четыре. Обнимаются Ронна и Лена. Шестьдесят девять, семьдесят. Яр отстегивает от пояса мачете, протягивает Волчику:

– Он твой, ты его заслужил.

Парень шумно сморкается, держит мачете так, будто он стеклянный. Восемьдесят четыре, восемьдесят пять. Все смотрят на люк, Яр открывает его, упирается руками, и снаружи врывается холодный воздух. Волчик чихает. Как хорошо, что через противогаз не чувствуются запахи! Из переговорного устройства доносится:

– Подъезжаю к вам. Останавливаюсь. Мутанты разбежались и попрятались в развалинах, так что будьте осторожны.

Яр выглянул из люка и сглотнул слюну: на черной земле копошились тлеющие тела мутантов, было их штук тридцать, может, и больше. Одни уже не двигались, другие ползали на четвереньках, вслепую, натыкались на препятствия, а от них к небу тянулись нити дыма. Танк Витязя стоял в пяти метрах: такая же машина, как у Яра – десять тонн металла, спереди – отвал, припаянный к корпусу. Башня с двумя крупнокалиберными пулеметами. Две

трубы в заднем отсеке, из одной валил дым, из другой вырывался пар. На броне – площадка для пехоты с перилами. Единственное отличие – небольшая башня над первой, способная вращаться вокруг собственной оси, откуда при необходимости высовывается похожий на пушку шланг огнемета.

Теперь стало ясно, из-за чего остановился паровик Яра: он выехал на кучу кирпичей, которые когда-то были зданием, и напоролся брюхом на ржавые железные обломки. Чтобы свести риск к минимуму, танк Витязя проехался по обломкам кирпича вверх, к машине Яра, намотав мутантов на колеса, и остановился внизу, на ровном асфальте, распахнув люк.

Две машины разделяли лишь куча кирпичей и останки мутантов; как бы ни были живучи твари, даже клыкари и крушители подошли, когда по ним проехала десятитонная машина. А вот в ангаре с проваленной крышей, что за танком Витязя, вполне могли прятаться мутанты. Или – в скоплении огромных ржавых машин, которые выстроились позади паровика Яра в два ряда. Но наибольшую опасность представляло низкое одноэтажное строение без окон, с тремя приоткрытыми гаражными воротами. Оно было левее кучи кирпичей.

Оценив обстановку, Яр залез в кабину и склонился над переговорным устройством:

– Витязь, сделаем так. Ты контролируешь пространство позади своего паровика, спереди и сзади. Сначала выходят мои солдаты со щитами и дробовиками, занимают позиции, они будут контролировать наш отход. Потом и они отступают к танку, а твои люди их прикрывают.

– Тебя понял. Все по местам! Солдаты, приготовьтесь! На счет «три» занимаете позиции...

– Может, мне попытаться починить машину? – предложил водитель.

Идея была неплохой, но Яр вспомнил странного человека на стальном механизме и отверг предложение:

– Некогда объяснять, но уровень опасности по-прежнему красный. Нас будут пытаться уничтожить любой ценой. Потому действуем строго по плану.

Витязь начал отсчет:

– Три, два, один. Пошли!

Первой на броню вылезла Ронна, Лена подала ей щит, вскарабкалась следом. Первый солдат, второй. Волчик приготовился, вытащил мачете из ножен, потоптался на месте, спрятал его. За ним пошел водитель. Яр подал наводчику коробку с патронами для пулеметов и покинул машину последним.

Когда он вскарабкался на броню, солдаты уже были на земле. Точнее, на кирпичах. Ронна напротив Лены, мужчины чуть дальше, ближе к танку Витязя. Прячась за щитами, они целились по сторонам, получался живой коридор.

Спрыгнул наводчик, потащил коробку к танку Витязя. За ним – водитель и Волчик. Парень рванул, не разбирая дороги, и растянулся на кирпичах. Как самому ценному члену экипажа Яру полагалось спасаться первым, но как истинный спартаец он пренебрег правилами в угоду достоинству. Недостойно это – прятаться за спинами боевых товарищей.

Когда пришла его очередь, перекрывая рев мотора, над развалинами раздался рык, переходящий в свист, и мутанты начали наступление. Они бежали отовсюду: из развалин, из-за машин, казалось, некоторые появляются из-под земли.

Заработал пулемет на башне танка Витязя. Картечь косила мутантов справа и слева. Вторая башенка повернулась, и вырвался язык огня. Мужчины шагнули к женщинам и подняли щиты, в которые затарабанили камни, палки, комья земли. Женщины стреляли одновременно, но картечь лишь на время останавливала мутов.

Прикрываясь щитом, Яр рванул к танку. Камень больно ударил по бедру. Ничего. Главное – успеть!

– Сзади! – крикнула Ронна, и Яр упал, накрываясь щитом.

Что происходило, он не видел. Вскрикнула Ронна, зарычал мутант. Взыла какая-то раненая тварь. Вскочить и бежать! Когда он поднялся, возле лежащей на кирпичах Ронны корчился раненый прыгун.

Вроде Ронна шевелилась. Яр не имел права рисковать, он сам предложил план, и нарушать его было нельзя. Ронна сильная, справится.

Волчика атаковал плешивый хрипун – подросток взмахнул мачете, и, разбрызгивая кровь и вращая глазами, покатила отрубленная голова. Яр обернулся только возле целого танка. Лена и мужчины-солдаты отступали. Ронна неподвижно сидела на камнях, а за кирпичной стеной метрах в ста отсюда притаился... Человек или зверь? Он целился из оружия...

– По нам ведут огонь! – крикнул Яр.

– Бегите к нам! – закричал водитель солдатам, спускаясь в люк, он еще что-то говорил, но его голос утонул в грохоте оружия.

Яр вскарабкался на броню. Ронна по-прежнему сидела на камнях. Лена лежала ничком, под ней растекалась лужа – вражья пуля настигла ее.

Запрокинув голову, Ронна стянула противогаз... Она получила заражение еще раньше. Яр сел на броню и сжал виски. По уставу зараженный солдат подлежал уничтожению. Человек, который помог зараженному уйти, тоже подлежал уничтожению вне зависимости от звания и пользы, принесенной обществу. Если некому оборвать жизнь солдата, он должен сделать это самостоятельно.

Пересиливая себя, Яр поднялся, чтобы помочь Витязю и подростку заров спуститься в люк.

– Стоять! – скомандовал взобравшийся на кузов Витязь, он прятался от вражеских пуль за откинутым люком. Вскинув дробовик, он выстрелил в Ронну, затем – в Волчика, столкнул труп ногой: – Он нам больше не нужен.

Больше Яр не видел и не слышал, что происходит вокруг. Нападающие мутанты – теперь зона ответственности Витязя.

С пеленок каждого ребенка учили, что Устав важнее жизни отдельного человека и даже группы людей. Яр ревностно чит Устав. На его веку солдаты заражались дважды. Один солдат, женщина, пыталась сбежать, Яр догнал ее и убил, за что получил повышение. Второй зараженный застрелился. Тех людей было жаль, но они перестали быть чистыми, а следовательно, представляли угрозу. Пытаясь выжить, они могли пробраться к зарам и обучить их. Теперь же... Что изменилось теперь? Устав все тот же, Яр все так же чтит его, отчего же самому хочется застрелиться, но прежде отправить на тот свет Витязя?

Витязь все сделал правильно, потому что Яр не смог бы убить сестру, хотя должен был. Он проявил слабость, если ее заметили, то его разжалуют и переведут работать в теплицы. Следопыт должен быть хладнокровным, с юных лет в них выжигали жалость, как выжигают мутантское гнездо. Зары – грязные недочеловеки. Если племя отказывается покоряться, всех следует истребить, включая самок и детенышей...

Он стал сентиментальным и слабым, он недостоин зваться следопытом... Или все-таки он остался прежним, это ведь – Ронна, его маленькая сестричка, и нельзя требовать от брата... Или можно и нужно? Все равны перед Уставом, в этом отличие Спарты от других анклавов: только здесь человек может получить лучшее жилье за личные заслуги, а не потому, что кого-то обманул и солдат ценнее управленца. Спартанцы – лучшие, самые бесстрашные воины, на Спарту трудятся лучшие инженеры, потому оружие спартанцев совершенно. Надо гордиться Спартой и давить зародыши сомнений.

Яр перевел взгляд на водителя: он сохранял невозмутимость. Как все-таки хорошо, что лица скрыты противогазами! Все заметили бы, что Яр расстроен, донесли бы координаторам, и тогда плакала карьера. Да что уж там, она и сейчас висела на волоске, ведь он угробил три машины и шестнадцать человек!

Погруженный в мысли, он не заметил, что танк оторвался от погони и катил по асфальтовой дороге мимо разваливающихся высоток. Яр обещал подконтрольным ему зарам вернуться позже. Похоже, впервые он не выполнит обещание. Но не это самое скверное. Самое скверное – ему предстоит держать ответ перед Советом, объяснять, почему погибли люди.

Поверят ли, что он видел легендарного Призрака и этот человек действительно опасен? Следовало в доказательство забрать труп Лены, продемонстрировать ранения. Надо придумать речь и убедить всех. Хватит думать о Ронне, пора позаботиться о себе, жене и еще не рожденном первенце. Яр надеялся, что долгожданный ребенок будет мальчиком.

Глава 2

Первые ласточки

Демон ни на минуту не выпускал из вида хрупкую девичью фигурку в сером платье до колен. Карина понятия не имела, что за ней следят. Прихрамывая, она шла вдоль нестройного ряда сосен, проросших сквозь асфальт. Приседала, заметив грибы, срывала их и складывала в мутно-розовое прохудившееся ведро. Слева колыхался молодой лесок, а справа высились огромные здания старого времени.

Когда Карина садилась на четвереньки, ее волосы цвета созревшей пшеницы касались земли, Демону хотелось появиться и еще раз спрятать в них лицо, почувствовать, как они щекочут нос и щеки. Только он представлял это, как сердце начинало частить, а дыхание – сбиваться.

Учитель не одобрил бы всего этого. Скорее всего, наказал бы. Но Учитель еще не вернулся из похода, Беркут не так строг, да и ему сейчас не до того, и Демон может делать то, что ему нравится больше всего на свете: смотреть, как она идет, касаясь рукой малиновых кустов, ловить каждый ее вдох, каждое слово. Он запретил ей рассказывать подругам о своем кавалере, о том, что это он подарил ей это великолепное платье. Нашел на заброшенном складе, спрятал от братьев и подарил Карине. Никто не знал, что это он тогда спас ее от мутанта, ведь у Карины не сгибается нога и она не умеет быстро бегать. Остальные люди не должны даже догадываться о существовании Ордена, иначе их уничтожат.

Зато она самая красивая на свете! И умная. И умеет хранить секреты. Учитель говорил, что умным быть важнее, чем сильным. Но если человек умный и неосторожный, то его убьют. Потому Демон в маскхалате прятался за сосновым стволом и ждал, когда рыжая девчонка в юбке из собачьей шкуры уйдет, как и ее темноволосая подруга, Карина останется одна, и он сможет показаться ей. И одновременно он вертел головой, прислушивался к подозрительным звукам, присматривался к каждой тени, где может скрываться мутант.

Учитель рассказывал, что тридцать лет назад мутантов не было вообще. Потом людей поразил вирус, и часть из них мутировала, часть умерла, а тем, кто выжил, хватало оружия, чтобы успешно обороняться. Да и мутанты тогда были слабее.

Постепенно зараженные, кроме подростков и беременных женщин, вымерли, оружие испортилось от времени, и люди уже не могли противостоять мутантам, которые полезли изо всех щелей. Решающую битву им зары проиграли, с тех они пор обходят десятой дорогой водоемы и, когда начинается дождь, прячутся. Учитель считает, что во время дождя муты особенно голодны, они просто не могут терпеть голод и набрасываются на все, что движется...

Наконец рыжая девчонка тоже исчезла за бетонным выступом, присыпанным сосновыми иголками, и Демон на цыпочках двинулся к любимой. Ощувив чужое внимание, она замерла, обернулась, скользнула взглядом по серо-зеленой замшелой кочке, которой делался Демон в маскировочном костюме, заметила гриб, потянулась за ним. Демон поднял небольшой камешек, бросил в нее, попал в волосы.

Девушка ойкнула, заозиралась, растерянно улыбаясь.

– Дим? – прошептала она, глядя прямо на него, но все еще не замечая. – Ты здесь?

– Дааа, – прошелестел Демон, когда она отвернулась, шагнул навстречу и снова замер.

– Хватит прятаться. – В ее голосе проскользнула обида, и Демон встал в полный рост, заводя за спину полы маскировочного плаща, улыбнулся.

Девушка тихонько пискнула и бросилась ему на шею. Ведро с грибами она не выпустила, и когда руки сомкнулись за спиной Демона, не больно, но ощутимо оно ударило по позвоночнику. Демон скривился, Карина снова ойкнула и закрыла рот рукой:

– Извини, я такая неловкая.

Теперь он обнял ее, поднял, закружил и поцеловал в щеку.

– Как Поросенок одобрила твоё новое платье?

Карина просияла и ответила с готовностью:

– Позеленела от зависти! У них ни у кого такого никогда не было! А если бы и было, Поросенок в него не влезла бы. Спасибо тебе!

Демон снисходительно улыбнулся:

– У тебя будет всё самое лучшее, обещаю!

Радость Карины передалась ему, теперь он в буквальном смысле купался в лучах счастья. Приятно, мут подери, чувствовать себя всемогущим, чуть ли не богом! А вдвойне приятно, когда таковым тебя считает родной человек. Девушка восторженно оглаживала маскировочный костюм, наматывала на палец зеленые ленты, имитирующие траву, и шептала:

– До чего же красиво! Дим, а когда скажем всем, что мы – муж и жена?

Официальное мероприятие в его планы не входило. Учитель не одобрит этот союз, да и зары... Зарам нельзя знать, кто он такой. Это опасно для братьев и Учителя. Но и отказаться от Карины Демон не мог, он тогда снова станет простым смертным, одним из шести семнадцатилетних парней.

– Пока еще рано, тебе ведь нет шестнадцати, и рожать еще рано. А братья... они попросту убьют меня. Лучше немного подождать, и я заберу тебя с собой.

Карина протяжно вздохнула, обернулась на треск веток. Демон отшатнулся и засел в малиннике, накрывшись плащом. Подруги Карины возвращались с полными корзинами. Рыженькая шла вприпрыжку, темноволосая была уже взрослой, старше Карины, и стеснялась ребяческих порывов. Или так только казалось? Девушек закрывали прутья малины, и демон не видел их полностью.

Одно ясно: на обеих – одежда из грубо выделанной кожи, то ли собачьей, то ли мутантской. У старшей – подобие копья, наконечник сделан из старинного перочинного ножика, ржавчину девушка соскребла камнем. Слишком глупые, слишком неумелые. Учитель говорил, что в этом виноваты следопыты чистых, которые пытаются контролировать заров и направлять их агрессию в нужное русло. Как только появляется кто сообразительный, следопыты или шпионы устраивают несчастный случай. От них и приходится прятаться.

Карина светилась от счастья, то и дело поглядывала на малинник, где засел возлюбленный. Недолго он любовался ею: из старинного поселка, где жила община, донеслись голоса, ветер принес рокот мотора.

Рыжая девчонка попятилась и проговорила:

– Чистые приехали.

Демон от волнения взмок. Вот оно, настоящее дело! Пока братья там, тут орудуют чистые! Сейчас он подкрадется к поселению и получше их рассмотрит, выяснит, какая у них техника, сколько прибыло человек и что им нужно. Учитель не похвалил бы его, но когда Демон получит ценные сведения и сам себе докажет, что он опытный лазутчик и не боится никакого врага, и Учитель, и Беркут скажут ему спасибо и поставят в пример остальным братьям.

Карина побледнела, села на корточки:

– Я не пойду туда. Здесь подожду.

– Ну и дура. – У темноволосой был завораживающий низкий голос. – Говорят, что если зачать от чистого, то долго не мутируешь, а дети проживут много лет.

Карина фыркнула:

– Вот глупости. Он уже тогда не чистый, они от воздуха прячутся, а в тебе – зараза.

Рыженькая с тоской смотрела на платье Карины, вздыхала, то и дело касалась его рукой. Больше чистых ее интересовал тайный жених, подаривший хромой, а значит, бесполезной девчонке такую красоту. Сейчас она думала, что жених – просто хвастовство, Карина сама нашла платье, пока пряталась от мутанта.

Подождав, когда девушки исчезнут из вида, Демон с замирающим сердцем двинулся к поселению заров.

В качестве наблюдательного пункта он выбрал крышу одной из пятиэтажек. Вывернул маскхалат серой стороной наружу, улегся на почерневшем шифере, уставившись в бинокль. Маскировка не очень, но он занял самую высокую точку, заметить его просто невозможно.

Зары обосновались в двухэтажных зданиях, что через дорогу, отсюда была видна часть двора, две из четырех уродливых, нефункциональных машин чистых, Учитель называл их непонятным словом «динозавры». Или «динозавры» – демон не помнил точно. Видимо, чистые приехали, чтобы менять полезное на блестящее. Произошла драка, потом дикие, в основном женщины, выстроились в очередь и стали показывать находки гостям.

Вдоль очереди прохаживались солдаты в резинокольчугах, с хлыстами. Во рту пересохло от предвкушения. Братьям нельзя забираться так далеко, они рискуют быть замеченными, и сейчас Демон нарушал правила, прикасался к запретному, уверенный, что поступает верно.

Одна за другой женщины подходили к главному следопыту и показывали ему находки – в основном безделушки. Когда пришла очередь темноволосого подростка, чистые засуетились, зары тоже оживились. Демон переполз на другую сторону крыши, может, так он разглядит, что интересного нашел мальчишка, навел резкость, но следопыт зажал изделие в руке. Теперь Демон не сводил глаз с его перчатки. Минут пять он мучился предположениями, но наконец чистый разжал руку и продемонстрировал новенький магазин с патронами. Подросток махал на север, туда, где расположился Орден. Плохо, очень плохо! На месте следопыта Демон отвез бы магазин в бункер и снарядил экспедицию. Оставалось надеяться, что он решил управиться своими силами, тогда появится надежда, что все обойдется и братья уничтожат чистых.

Хотелось лететь в пункт связи прямо сейчас, но Демон заставил себя остаться. Когда чистые расселись по машинам и двинулись на север, забрав с собой мальчишку, а недовольно гудящие зары рассыпались по двору, сомнений не осталось: колонна поехала обыскивать место, где был найден магазин с патронами, оброненный кем-то из братьев. Демон полагал, что это произошло недалеко от убежища, и чистые без труда его обнаружат. Как ни старайся, как ни маскируйся и ни пугай тупых заров, все равно наследить.

Как назло, Учитель был где-то в другом месте. Наверное, в таинственном дальнем гарнизоне. Или он отправился на поиски технологий... Неважно. Если бы он был на месте, Демон не сомневался, что они одолели бы чистых, сейчас же... Сейчас надо предупредить братьев, существование Ордена зависит только от него, а до ближайшего пункта связи – два километра!

Все-таки он молодец, что не остался патрулировать территорию вблизи убежища, а забрался подальше. На четвереньках Демон добрался до выхода на чердак, спустился по замусоренному лестничному пролету и побежал к переговорному пункту.

* * *

На серых стенах столовой неизвестный художник нарисовал окна высотой в человеческий рост. За окном справа белели сугробы, на ветвях голых деревьев сидели три красногрудых, слегка асимметричных снегиря, с улицы словно тянуло холодом и покоем. Если

двигаться по часовой стрелке, то за нарисованным окном, что возле двери, дерево отбивало почки, уже распустились бело-розовые цветы. Тянулась к небу трава, белели нарциссы в клумбе, там, где сидели снегири, было гнездо. На неестественно синем небе едва угадывались точки перелетных птиц, складывающиеся в стаю.

Окно слева вело в лето. На яблоне – крупные листья и завязь плодов, из гнезда высунулись разинувшие рот птенцы, к самому стеклу подлетела бабочка павлиний глаз, а из столовой на свободу пыталось выбраться полосатое нечто – то ли пчела, то ли муха.

Смотреть на стену напротив двери не хотелось. Там дождь, стекают капли по нарисованному стеклу; будто снегири, алеют поздние яблоки, надуваются пузыри в лужах, а небо затянуто серой пеленой. Обычно лицом к осеннему окну за длинным прямоугольным столом сидел Учитель, когда он отсутствовал, его место занимал Беркут. Сегодня Беркут был очень занят, забрал тарелку из столовой, чтобы поесть в лаборатории.

Темноволосый Радим не отличался впечатлительностью, потому согласился и на весьма унылую весну. Он ел медленно, кусал лепешку так аккуратно, что на скатерть даже не падали крошки. Ему было плевать на вид, ведь он во главе стола, напротив двери, никто не толкал его локтями и не торопил.

Березка, которому открывался вид на зиму, промокнул рот куском лепешки, последним куском вымазал тарелку, съел его. Собрал на ладонь крошки со стола и задумался, а не отправить ли их в рот. Как мутанта, его одолевал вечный голод, сколько бы он ни съел. Беркут шутил, что Березку высасывают паразиты, потому он растет только в высоту, а руки и ноги у него как палочки. Учитель же предполагал, что дело не в паразитах: просто Березка очень подвижный и еда сгорает в нем, как в топке.

Леший, который сегодня дежурил по кухне, расправлялся со второй порцией картофеля со свининой, кладал ложкой по алюминиевой миске и довольно побрякивал. Он жевал так интенсивно, что двигались уши, то прилекая к выбритым вискам, то отдаляясь, и дергалась толстая русая коса, растущая на небольшом островке волос в середине макушки. Зато у Лешего до сих пор не росли усы и борода, наверное, все ушло в рост, а был он здоровенным, с Учителя, только в плечах шире едва ли не в два раза.

Место Демона, как и у Лешего, было напротив окна в лето, но он сегодня патрулировал окрестности и должен был прийти только к ужину.

Леший сгреб последнюю лепешку огромной лапой, разломил ее на две части и прооркотал, глядя на пустое место слева:

– Я съем. Снег все равно забыл про обед. Читает, читака. – Он оскалился, демонстрируя ровные крупные зубы.

Радим подпер голову рукой и проговорил задумчиво:

– А вдруг он просто опаздывает?

Березка заерзал на стуле и заявил права на порцию названного брата:

– Леший, ты тут не один. Я тоже голодный. Кабана бы съел. Живьем. – Он потянулся к лепешке, Леший поднял ее над головой:

– Тебе бесполезно есть. Все равно худой.

– Зато мне есть вкусно, – проговорил Березка раздраженно, вскочил, едва не перевернув стул.

Продолжая наблюдать за ними, Радим флегматично ковырял ложкой пюре, обернулся на звук шагов. К этому времени Леший выпрямился во весь свой немалый рост и поднял лепешку над головой, чтобы поиздеваться над приятелем. Они так увлеклись, что не заметили вошедшего Снега. Альбинос скрестил руки на груди и проговорил:

– По-моему, Леший, лепешка, которая у тебя в руках, – моя.

Здоровяк оскалился:

– Попа встала, место пропало. Теперь еда моя.

Снег провел вместе с этими парнями шесть с половиной лет, потому изучил каждого. Леший не возьмет чужого, просто он так шутит. Когда поймет, что Снег не обращает на него внимания, лепешку вернет. Потому лучше молча наложить себе в миску остывающей еды.

Когда он сел, лепешка уже лежала на столе, а Березка обиженно на него взирал.

– Не мог чуть дольше погулять? – протараторил он, отправляясь к умывальнику, чтоб помыть за собой посуду. – Чего нового узнал?

Прожевав, Снег заправил за уши длинные белые волосы и ответил:

– О, в библиотеке так много нового, ууу. Там я прочитал наблюдения Учителя. Он пишет, что человек становится мутантом... В общем, как ты жил, таким мутантом и будешь. Ты, Леший, мутируешь в крушителя, это точно. Радим – в клыкаря. Березка будет бегуном или прыгуном.

– А ты станешь простым! – парировал Березка и развил мысль: – Слышал я это. Учитель говорил, раньше не было прыгунов, клыкунов и прочих, были только простые. Так вот, все мы будем простыми, вот наши дети... Мутантики... мутантеньши...

Снег снисходительно скривился:

– Учитель обещал, что подарит нам долгую жизнь, если не будем лениться, вот и работайте.

– Зануда, – сказал Березка, сложил посуду в сушилку, уступил место возле мойки Лешему.

Радим сосредоточился на поглощении пищи. Снег ел, увлеченный мыслями. Казалось, было слышно, как скрипят шестеренки в его мозгу. Когда он опустошил тарелку наполовину, тусклая лампочка на потолке погасла, включилась аварийка, взвыла сирена, затрещало переговорное устройство.

«Снова учения», – с недовольством подумали все. Радим доел, Снег понял, что придется оставить обед и лететь сломя голову не зная куда... И тут из переговорного устройства донесся сбивчивый голос Демона. Названный брат так запыхался, что едва говорил:

– Опасность! В вашу сторону движутся четыре танка... Четыре... танка – двадцать восемь чистых!

Снег подавился едой, метнулся к коммуникатору:

– С чего ты взял, что они едут именно сюда?

– Мальчишка зар нашел магазин с патронами. Он мог его найти только неподалеку от... от убежища! И он ведет их к вам!

– Но откуда ты...

– Знаю. Уверен. Надо их встретить! Где Беркут? Он должен знать!

– В гараже, – сказал Снег. – Мы ему скажем.

– Остановите их! На этот раз все серьезно!

Снег посмотрел на оцепеневших братьев. Радим встал и разинул рот. Леший так и замер, протянув руку с миской к мойке. У Березки задергался глаз.

– Чего вы стоите? Зовите Беркута! Демон, пока побудь на связи, сейчас он придет.

К двери одновременно ломанулись Березка и Леший, затопали по коридору. Из переговорного устройства доносилось хриплое дыхание Демона. Радим вел себя так, будто ничего не случилось: помыл свою тарелку, отнес недоеденную порцию Снегу. Едва он ее уничтожил, как Демон снова заговорил.

Слово в слово он передал историю Беркуту, который добрался до ближайшего коммуникатора. Наставник поинтересовался, откуда Демону все это известно, но тот умело направил разговор в нужное ему русло, что-де надо срочно что-то делать. Снег представил Беркута: печальные глаза с опущенными уголками век расширяются, тонкий рот превращается в белую нитку, овальное лицо вытягивается еще больше.

Беркут на базе появился позже всех, четыре года назад, уже тогда ему было больше двадцати пяти, но он не мутировал. Кто он и откуда, знал только Учитель, но никому из братьев не рассказывал. Предположений было несколько: либо Беркут – чистый, получивший заражение, либо, как и Учитель, вообще не мутирует. Еще есть вариант, что он, как и Учитель, получил мифический антивирус. Но почему тогда учеников не привили?

В общем, тайна еще та. Пару лет назад она так волновала Демона и Березку, что они подслушивали старших товарищей. Березку засекли, и Учитель наказал его, но он не оставил попыток узнать правду. Месяц страдал, ничего не выяснил и успокоился.

– Оставайся на посту, будь на связи, – распорядился Беркут. – Парни, всем собраться в раздевалке! Даю вам на это полминуты. Время пошло.

База, она же убежище, была небольшой, всего сто пятьдесят квадратных метров, и располагалась под домом-крепостью с четырехметровым каменным забором. Когда Учитель нашел подземелье, разделил его перегородками на отдельные помещения. В итоге получилось три спальни, столовая и крошечная кухня, раздевалка, душевая с уборной, два склада и подсобка, где находился РИТЭГ и на всякий случай – котел на твердом топливе.

Снег и Радим выскочили через кухню, где пахло жареным мясом, в раздевалку. Беркут мерил шагами комнату: пять шагов вперед, пять назад. Братья вытянулись вдоль стен, их глаза горели решимостью. Беркут окинул их взглядом и заговорил, сцепив пальцы:

– Действуем по плану «Б». Как мы много раз отыгрывали на учениях, каждый выполняет свою роль. Даже если чистые повернут назад, испугавшись поляны смерти, они все равно вернуться через несколько дней, и их будет больше. Так что наша задача – заманить их к усилителям, забить их радиоэфир помехами и уничтожить танки вместе с людьми. Выжить не должен никто.

– Последовательность действий стандартна? – спросил Березка, танцующий от нетерпения.

– Да. Дымовая шашка. Мутанты. Минные поля. Если кто-то уйдет, гасите их из гранатометов. Они не должны связаться с бункером. У каждого есть своя роль. Приступаем!

Парни метнулись в стороны. Снег и Радим – в раздевалку направо, остальные – налево.

Сбросив с себя рабочий комбинезон, Снег надел облегающий белый костюм, а поверх него – доспехи, штаны и куртку, обшитые стальными чешуями, повязал лицо темно-серым платком и надел железный шлем, имитирующий пасть оскаленного чудовища. Радим облачился в медвежью шкуру, нацепил шапку из медвежьей шерсти и тоже закрыл нос и рот платком, оставив одни глаза. Замаскировавшись, они выбежали на залитый бетоном двор, где уже ждали братья в маскхалатах и Беркут в такой же шкуре, как и Радим.

Пожелав друг другу долгой жизни, ударили по рукам. Обвешанные гранатами Леший и Березка рванули в лес, Снег побежал к выходу из гаража, Беркут и Радим отправились туда через подземный ход.

Вход в подземный гараж закрывала стальная пластина, к которой крепился трухлявый древний забор, перемотанный тросом – для маскировки. Если кто перелезет через стену, ничто не должно выдавать, что здесь живут не тупые зары, а развитые люди, у которых доступ к технологиям. Снег принялся распутывать трос, разделил его на два, протянул сначала один, а потом второй поверх пластины и забора, сунул концы в отверстия в бетоне, напоминающие крысиные норы.

Под землей, в гараже, Беркут и Радим ухватили тросы, закрепили их на двух огромных колесах, залезли внутрь колес и принялись их вращать. Тросы натягивались, и ворота поднимались, открывая взору Снега ход в подземное помещение.

Звякая доспехами, Снег устремился к своему железному «дракону». Чтобы лучше было видно, Радим зажег фары его «медведя». Снег придирчиво оглядел трицикл, «дракона»,

огладил блестящие железные чешуи и крутанул ручной стартер, который располагался спереди машины и был замаскирован под огромную клешню. Зарычал мотор.

Втроем выехали из гаража, Беркут заглушил мотор своего «медведя», побежал в гараж, чтоб запереть его изнутри. Задание Снега и Радима не зависело от Беркута, и они покатали к ржавым воротам, в которые запросто мог въехать броневик.

Чистые и зары опасны, никто не должен знать о базе, потому нужно было сделать все возможное, чтобы отвести людей от этого места. Способов существовало несколько. Первый, самый эффективный, если к базе вздумали приблизиться зары: две поляны смерти с костями. Еще будучи мальчишками, братья отыскивали трупы людей и мутантов, сносили их туда, расчленили, распинали, вешали, сажали на кол. Работа была грязная и противная, но здорово дисциплинировала и приучала к убийству. Учитель добивался того, чтобы его воспитанники убивали, не задумываясь, все что движется.

Патрулируя территорию, Снег однажды наблюдал эффект поляны смерти. Едва пять вооруженных копьями заров приблизились к ней, как рванули назад, только пятки засверкали.

Второй способ – мутанты, запертые в полузатопленных помещениях брошенного поселка. Это и было заданием Снега и Радима: освободить тварей и привести к жертвам. Злые и голодные мутанты гнались за трициклами, натыкались на более легкую добычу и забывали об изначальной цели погони. Самое смешное, несмотря на то что среди тварей был Взрослый, летом они всегда возвращались в подземелья, словно забывали о том, что это тюрьма.

И третий способ защиты – минные поля. Но сейчас гнать туда врагов можно, только когда они достигнут усилителей и у них прервется связь как с бункером, так и друг с другом. До того момента они должны рассказывать своим, что место странное, населенное чудовищами, кровожадными супермутантами, нападающими даже в солнечную погоду, никаких технологий тут и в помине нет. Естественно, после всего услышанного и после того, как связь с бункером оборвется и чистые погибнут или на минных полях, или их взорвет Беркут из РПГ, никому не захочется повторять участь погибших и выяснять, куда же они делись.

План был хорош, просто замечателен, если бы одно «но». Мутанты опасны и сообразительны. Да, трицикл едет очень быстро, но если замешкаться, то бегуны запросто могут его догнать и растерзать наездника. Так случилось год назад с седьмым братом, Мишкой. Промедление стоило ему жизни. Теперь его место занял Радим.

Самый безответственный член команды, Березка, должен был караулить подступы к дому-замку, Демон – глушить радиосигналы (сейчас он был далеко, и его место занял Березка), Леший – спрятаться в укрытии, где его не достанут мутанты, и ждать врагов с гранатой в руке. Беркуту предстояло добить тех, кто выжил, если таковые останутся.

Сначала Снег и Радим ехали рядом. Радим в медвежьей шкуре сливался с трициклом и воспринимался как его часть. Получался странный горбатый медведь.

Подвалы с мутантами находились в двух километрах от базы, один – в поселке, второй – на воинских складах, и вскоре пришлось разделиться.

Снег так сосредоточился на задании, что не воспринимал ничего вокруг, не разбирал полуразрушенной дороги, не видел разваленных двухэтажных особняков. Убеждал себя, что надо сосредоточиться, превратиться в зрение и слух, но получалось с трудом. Когда завоняло мутантскими испражнениями, он сбавил ход, остановился, вдохнул и выдохнул, захотел вытереть об одежду вспотевшие ладони, но вспомнил, что он в чешуйчатых доспехах. А что, если он замешкается и мутанты разорвут его?

Отставить трусость! Жизнь всех в руках каждого, вперед! Учитель уверял, что мутанты отстанут от него, как только почуют чистых. Зараженных они не могли унюхать – только видели и слышали. К тому же зары не вызывали у них такой агрессии. Даже терзающие кого-

то муты бросали добычу, едва на горизонте появлялись чистые. Снегу едва исполнилось семнадцать, как и остальным братьям, и он не видел столько, сколько Учитель. Оставалось делать свое дело и верить.

Услышав рокот мотора, муты завывали, зарычали, заохали. Холодея, Снег подъехал к месту их заключения – полуразваленному одноэтажному дому, уставился на толстенную металлическую решетку, откуда тянулись руки со скрюченными пальцами. Если покрутить рычаг, похожий на огромный ручной стартер, что в стене в трех метрах от выхода, решетка начнет подниматься и одновременно сверху польется вода, которая придаст мутам сил. Следовало лишь немного приподнять решетку, остальное мутанты сделают сами.

Не заглушая мотор, он включил рацию и проговорил:

– Радим, я на месте. Приступаю.

Шагнул к рычагу, крутанул его раз – заскрежетала натягивающаяся цепь, решетка вздрогнула, хлынула вода. Еще два раза повернуть и – бежать!

Снег оседлал «дракона» и потянул рог-рычаг на себя. Слегка не рассчитал – «дракон» встал на попа, едва его не сбросив. Но Снег удержался. Перед тем как дать газу, он обернулся: мутанты раскачивали решетку, пока одни толкали ее вверх, другие уже наполовину выбрались на свободу.

Теперь предстояло двигаться впереди мутантов навстречу чистым, обогнуть поля с противотанковыми минами, не опасными для пешеходов, и вести безмозглых тварей навстречу танкам, надеясь, что Березка не подведет и сумеет заглушить радиосигналы перед тем, как Беркут начнет взрывать танки из гранатомета.

Не сбавляя скорости, Снег прокричал в рацию:

– Березка, ты на месте? Что у тебя?

– Вдалеке слышу моторы, враг уже близко, включаю усилитель! Действуй.

– Я тоже на позиции, – отозвался Леший. – Беркут?

– Вижу колонну. Три танка вместо обещанных четырех.

– Веду муты к цели! – прокричал Радим, дав договорить наставнику. – Долгой жизни и ясного разума вам, братья!

Снег не слышал мутантов, потому что ветер свистел в ушах, и не видел за сосновыми стволами, убегающими вдаль. Маневрировать между соснами на скорости пятьдесят километров в час – то еще удовольствие. Но он знал, что муты несутся по следу, и если он упадет или мотор заглохнет, то его не спасет обрез и мачете. Придется стреляться.

Стоп! Не думать о плохом, сконцентрироваться на маневрировании. Ага, тут минное поле, надо взять правее. Есть! И мутанты не догнали. Он так увлекся, что едва не вылетел напрямиком на танк чистых, остановился, не глуша мотор, обернулся и увидел мчащихся следом бегунов и прыгунов, перемещающихся, как человекообразные лягушки.

Все, по идее, теперь они должны отстать. Снег взял правее вражеской колонны и пока-тил медленно, ему надо было убедиться, что мутанты напали на чистых. Танки ревели очень громко, в таком грохоте и лязге можно не бояться, что кто-то услышит шорох мотора трицикла. Как и говорил Учитель, твари обрушились на колонну, облепили танки.

Выполнив свою часть задания, Снег укатил подальше от опасности, предоставив эстафету братьям и Беркуту, проговорил в рацию:

– Чистые едут назад. Березка, действуй!

Только он собрался снять шлем и вытереть заливающий глаза пот, как услышал треск в кустах шиповника, медленно, чтобы не провоцировать врага на нападение, повернул голову и обмер. Не все мутанты решили напасть на чистых. Два, а может, три подкрадывались к нему, причем они шли туда, откуда доносилась пальба.

Значит, это не мутанты из подвала. Делая вид, что не замечает их, Снег дал газу и рванул прочь. Один из мутантов прыгнул и приземлился на все четыре в том самом месте, где секунду назад был трицикл.

Снег отчаянно крутил рог «дракона», прибавляя газу, но этим маршрутом ездил редко и сегодня не планировал. Сейчас он гнал к убежищу Лешего. Оно походило на маленький бункер, мутанты не могли туда проникнуть. С перепугу снова чуть не натолкнулся на вражескую колонну и рванул туда, откуда приехали чистые. Обогнул минное поле с розоватым туманом из дымовой шашки, бросил трицикл в крапиву возле едва заметного серого сооружения и принялся тарабанить в дверь:

– Леший, открывай, за мной гонятся мутанты!

Снег даже дробовик потерял, у него остался лишь мачете, который он держал перед собой, прижимаясь спиной к двери. Если отрубить мутанту голову, он издохнет. Даже крушитель с клыкарем сдохнут, не говоря о прочих!

Дверь распахнулась, ударив Снега по спине, он ввалился в убежище, тяжело дыша, положил мачете на пол и завел за спину трясущиеся руки.

– Что случилось? – вскинул брови Леха, на его простецком лице с выдающейся вперед нижней челюстью читалась тревога.

– Там еще мутанты, не из подвала. Напали на меня, – ответил Снег и принялся ходить по убежищу вперед-назад: три шага туда, три обратно.

Потолок тут был низко, и приходилось пригибаться. Леший вообще гнулся в три погибели.

– Но ты хоть натравил мутов? А то ведь... Ну, всем конец.

Снег кивнул, поглядывая на приборы у стены:

– Конечно. Я ж тебе сказал.

– А... Ага. Ты сказал. Ну, хорошо. Сейчас спрошу, что у остальных.

Пока он настраивал рацию, Снег мысленно возмутился его глупости и не удержался:

– Так смысл? Мы не можем, Березка глушит сигналы...

Слова застряли у него в горле, потому что не помехи доносились из рации, а хриплое дыхание Березки, какие-то щелчки и удары.

– Березка! – заорал Снег. – Ты там мутировал, что ли?..

Пошли помехи. Даже до Лешего дошло, что случилось, и он в сердцах ударил стену кулаком, зашипел, дуя на сбитые костяшки.

– Надеюсь, ничего страшного, – прошептал Снег, охрипший от крика. – Беркут еще не начал взрывать чистых, и они не въехали на минное поле. Подумаешь, мутанты...

По позвоночнику прокатилась волна холода. Он чуть под колеса танку чистых не выскочил, а что, если они его заметили и успели связаться со своим бункером? Лучше надеяться на хорошее и не думать об этом.

Что сейчас происходило на поле боя, не знал ни Снег, ни Леший. Опустив глаза, оба молчали. Снегу казалось, что сегодняшней день поставил точку на привычном существовании Ордена, теперь никогда не будет как прежде.

Рано или поздно они должны были покинуть насиженное место, именно для этого Учитель спас от смерти каждого из них и научил всему, что умел сам. Каждый раз он твердил, что они особенные, избранные для великой цели – отправиться в дальний путь и спасти весь мир от вируса. Еще пару лет назад Снег постоянно думал о путешествии, которое предстоит, когда им исполнится семнадцать. Что будет дальше, Учитель не говорил. Как Снег ни пытался разузнать подробнее о путешествии у Беркута, ничего не получалось. Он вместе с Березкой даже подслушивал разговоры, когда Учитель и Беркут оставались наедине, но оставил это недостойное занятие. В конце концов пришлось смириться. Учитель лучше знает, что делает. Значит, так надо. Кто-то из учеников может раскрыть тайну посторонним.

Одно было ясно: скоро они отправятся в путь через дальний гарнизон и никогда не вернутся сюда. С одной стороны, Снег жаждал выполнить предназначение, с другой – не хотел покидать место, которое любил.

Раньше Снега звали Ваней. Он не помнил родителей, мать мутировала, когда он был совсем малышом, и его воспитывали старшие братья, вокруг мелькали смутно знакомые взрослые. Зимой мерзли и прятались в больших, холодных домах, грелись у костров. Летом тоже прятались, теперь уже – от мутантов. Потом приехали чистые и всех перебили, Снег спрятался и чудом уцелел.

Что делать дальше, он не знал. Знал только, что не выживет один, и пытался прибиться к другим зараженным, но его отовсюду прогоняли, считали, что странный ребенок с почти прозрачными глазами, белой кожей и волосами цвета снега может накликать беду. Была осень, он питался грибами и крысами. Потом ударил мороз, крысы попрятались, грибы закончились, и есть стало нечего. Как сейчас он помнил отчаяние. Силы понемногу покидали его. Он бродил по огромному зданию, искал все, что горит, и грелся, чтобы не умереть от холода.

Когда его нашел Учитель, Снег уже еле ходил. Представившись Фридрихом, Учитель дал ему немного поесть и сказал, что ему повезло, это его новое рождение и отныне его зовут Снег. Имя ему понравилось. Тогда он согласился бы называться хоть пнем трухлявым.

Лешего звали Лешей. Его Учитель отбил у заров-людоедов, которые употребили всех родственников крупного мальчика, а его самого оставили про запас.

Каждый ученик был обязан Фридриху жизнью и любил его больше жизни. Теперь Учитель набирает новую команду, и им всем предстояло великое дело, они встанут у истоков новой жизни и будут жить так же долго.

Леший маялся от безделья, ощупывал пристегнутые к поясу гранаты, топтался на месте. Шагнул к узкой щели в стене, выглянул. Лег на пол и приник ухом к полу. Снег сделал так же и услышал глухой звук, словно вдалеке что-то взорвалось.

– О! – воскликнул Леший, вставая. – Или Беркут их взрывает, или они залезли на минные поля.

Снег кивнул и добавил:

– Как только все стихнет, поедem домой.

Вспоминая мутантов, он дернул плечом и подумал, что лучше бы подождать, пока твари отправятся на поиски воды. Шагнул к радио, покрутил верньеру – Березка справился с заданием: шелестят помехи и что-то свистит, будто там, в устройстве стонет запертый ветер. Леший еще раз лег на пол, теперь он лежал несколько минут.

– Кажется, все закончилось, – резюмировал он, щелкнул переговорное устройство, но оно так и не ожило.

Тогда он уселся возле Снега, толкнул его плечом:

– Чего дуешься? Все ведь хорошо! – и улыбнулся от уха до уха.

Снег вскочил, потом сел. Неужели он так ничего и не понял? Значит, надо объяснить менее сообразительному брату. По крайней мере, попытаться:

– Все плохо. Потому что Березка не смог заглушить сигналы.

– Да ладно! Вот, заглушил же!

– Вовремя не успел. Если чистые заподозрили неладное, увидели что-то, что не должны, – он вспомнил себя, – то они связались с бункером и рассказали о нас. У них ведь тоже есть радио в танках! Рассказали, что у нас есть оружие, мины, машины. Теперь чистые не успокоятся, пока не уничтожат нас.

– Ааа... Эээ... А что неладное?

– Например, если Беркут начал стрелять по ним из РПГ. Или если они начали взрываться на минных полях. Понятно же, что мины сами по себе в поле не выросли, их там

оставил кто-то умный, опасный. И они вернутся. Объединятся с другими бункерами и сметут нас, и мы ничего не сделаем.

– Еще как сделаем! – зарычал Леший, схватился за автомат, потряс им.

Он имел такой решительный и агрессивный вид, что на миг и Снег поверил в собственное могущество. Но нет. Чистых тысячи, а они – всего лишь юноши. Да, умные, если не брать в расчет Лешего, обученные и отлично вооруженные, но в Ордене всего восемь человек, если считать Беркута и Учителя, который далеко не всемогущ.

– Нас очень мало, а их... ты только представь, сколько их!

Леший загрустил, ссутулился, пожал плечами:

– Что же... Как же теперь? – Он свел брови у переносицы, упрямо мотнул головой. –

Учитель что-нибудь придумает!

Снег не стал переубеждать воспрянувшего духом брата.

Затрещало переговорное устройство, и Березка бодро, будто ничего не случилось, отрапортовал:

– Прием-прием! Как обстановка? Жду дальнейших...

Его перебил взволнованный Беркут:

– Срочно все на базу... Муты... Осторожно?... ли меня?

Видимо, он ехал на трицикле – свистел ветер, были какие-то посторонние шумы. Ответил Радим:

– Поняли тебя. Отправляемся на базу. Ведем себя осторожно, потому что мы выпустили мутантов и они бродят вокруг.

У кого-то есть что добавить? – ответил ветер из устройства Беркута, и Радим продолжил: – Тогда конец связи, всем долгой жизни и ясного рассудка!

Леший взял автомат, проверил магазин, похлопал себя по карманам. Отстегнул две гранаты, протянул Снегу и спросил покровительственно:

– Знаешь, как пользоваться?

Снег фыркнул в ответ, собрался повесить их себе на пояс, но вспомнил, что он в доспехах. Расставаться со смертоносными штукovinaми не хотелось, но пришлось их вернуть.

– Я на своем «драконе», буду за рулем. Ты сядешь сзади и, если что, прикроешь.

Леший постучал себя по лбу:

– Дурак, что ли? Они нас услышат и догонят. Пешком надо, осторожно, чтоб не заметили. – Он огладил свой маскхалат.

– Меня все равно заметят, я иду и громыхаю.

– Так сними железяку. На вот тебе маскировочную рубашку. – Леший разоблачился, накинул плащ. – Мне и его, родимого, хватит. Вдруг что, и тебя закрою.

Отмечая, что Леший его удивил смекалкой, Снег сбросил доспехи, оставшись в белом костюме. Леший ткнул в него пальцем и расхохотался, второй рукой хватаясь за живот:

– А-ха-ха, привидение! А-ха-ха... Бе-бе... Ха-а! Бледное. Еще бы лицо белым, а не серым... – Продолжая смеяться, он рухнул на лавку, затопал ногой. – Мутанты... Разбегутся со страха!

– Вода тут есть? – проговорил Снег мрачно.

Леший хохотал и не мог остановиться, тряс головой, и коса моталась вверх-вниз, вверх-вниз. Снег скрестил руки на груди, дождался, пока он успокоится, повторил вопрос. Охая и вздыхая, Леший протопал к пластмассовым желтым ящикам, склонился над ними:

– Тебе чтобы попить?

– Нет, для маскировки, пойдет любая жидкость.

– Как это? – вытаращился Леший и вытащил коричневую двухлитровую бутылку, взболтал. – Для маскировки?

Снег вернул рубаху, молча взял бутылку, прилепил на место отвалившуюся этикетку, зачитал надпись:

– Козел. Велпопови... велпо... Непонятно. – Он скривился, представляя, какая козлиная жидкость могла быть в бутылке. – Нет, это на себя я выливать не буду.

Леший забрал бутылку, изучил этикетку и ткнул пальцем в мелкий шрифт:

– Пи-во. Пиво раньше пили, в его составе есть спирт и еще что-то непонятное. Козел совершенно ни при чем, оно просто так называлось. И все-таки, как ты собрался маскироваться водой?

– Открывай двери, увидишь.

Взяв автомат, Леший поднял щеколду и выполнил просьбу, немного приоткрыл дверь, высовывая наружу ствол. Затем распахнул ее полностью, выглянул, спрятался. Еще раз выглянул, спрятался и прошептал:

– Никого.

– У тебя нет случайно еще оружия? – спросил Снег, Леший молча отдал ему пистолет и два магазина к нему.

С пистолетом наготове Снег переступил порог, повернулся вокруг собственной оси, изучая обстановку. Сосны качают ветвями. Под мокасинами чуть слышно хрустит хвоя. Ветер колышет невысокую крапиву. Боком Снег подошел к ней, отпрыгнул, когда налетел порыв ветра, закачал траву.

– Чисто, – шепнул он, поставил бутылку на землю и добавил: – Прикрывай меня. Я пока не смогу пользоваться пистолетом.

Сначала Снег зашел в крапиву, поднял руки, чтобы она не обожгла ладони, примял ее, улегся и принялся валяться, чтобы на белом трико оставались зеленые разводы. Затем сорвал сурепку, смял, натер рубаху выше пояса, рукав. Теперь другой рукав... Плюнул, снял рубаху, выпачкал ее о траву. Затем осторожно открутил пробку на бутылке – жидкость зашипела, пустила пузыри, завоняло кислотой. Вырыл ямку в земле, вылил пиво туда, ткнул в грязь скомканную рубаху. Еще и еще раз. Когда от белого не осталось и следа, скривился, надел ее. Сунул в грязь обе руки, размазал ее по штанам, придавая им коричнево-зеленый цвет.

– Учись, пока я жив!

Слово «жив» подействовало на Лешего отвращающе, он заозирался в поисках опасности. Тем временем Снег повязал на голову бандану, засунул под нее завязанные в хвост волосы, нанес на шею, щеки, лоб волнистые полосы грязи.

– Я бы не догадался, – честно признался Леший, замаскировал вход в укрытие разбросанным вокруг хворостом. – Ну что, идем? И гранату возьми, в руке понесешь.

Отказываться Снег не стал. Все-таки надо было продумать операцию детальнее. Например, варианты отхода. Мало приятного идти по лесу, когда вокруг кишат мутанты. В идеале один человек должен был открыть решетку, чтобы мутанты вернулись обратно в подвалы, но поскольку Демон отсутствовал, Березка заменял его и не мог выполнить привычные обязанности.

Слава богу, обоняние у мутантов как у людей. Они чуяли только чистых и стремились их заразить. Зараженных могли только увидеть или услышать. Потому братья двигались медленно, от ствола к стволу, от шиповника к шиповнику. Достигнув укрытия, замирали. Если их заметит хотя бы один мутант, то все. Сбегутся остальные и числом задавят. От убежища, где сидел Леший, отошли на приличное расстояние, до базы было еще дальше. А еще было очень жаль «дракона», брошенного в крапиве. Снег испытывал перед ним чувство вины, словно трицикл – живое существо.

Снег превратился в зрение и слух. Обычно мутанты ведут себя шумно, трещат ветки под их лапами, они кричат и рычат. Им некуда деваться: затопленный подвал, где они обитали, заперт, и они встретятся на пути – вялые, неактивные, но все равно опасные.

Миновали сосняк, дальше двинулись по березовой роще – светлой, праздничной. Здесь убежищ было меньше, и приходилось пригибаться. Спрятавшись за малинником, переглянулись, только собрались выдвигаться, как впереди хрустнула ветка, донеслось шумное дыхание. Вроде мутант был один, куда он шел, было не разобрать. Леший застыл на полусогнутых, медленно присел, пожевал губами. Снег посмотрел на пистолет, на влажную гранату во вспотевшей руке.

Мутант приближался к малиннику. Снег сглотнул слюну, и ему почудилось, что каждый удар сердца подобен взрыву, мут обязательно услышит, как оно бьется. Но мут не стал ломиться сквозь кусты, остановился и принялся скрестись и чавкать, будто он рыл землю и что-то ел. С одной стороны, стоило попробовать уйти на четвереньках, пока он занят, но с другой, а вдруг услышит?

Пока Снег и Леший думали, мутант затих. Послышались торопливые шаги, рычание. К мутанту приближался кто-то еще. Хрюкнув, первый мутант бросился в малинник – Снег едва успел шарахнуться в сторону. Оказалось, это был не мут – из кустов выскочил медведь и, не обращая на людей внимания, ломанулся в лес.

– В малину! – скомандовал Снег, передернул затвор и кинулся в колючие заросли, приник к земле и замер. Леший сделал так же.

Завоняло мутантским логовом – потом и немывтым телом. Между коричневыми прутьям, лежа щекой на земле, Снег увидел человеческие ноги с кривыми желтыми ногтями. Тело мутанта скрывали листья. Заколыхались заросли над головой, и еще один мутант протопал с другой стороны – у Снега появилось желание стать деревом или провалиться под землю, он невольно задержал дыхание.

Мутанты все бежали и бежали. Сосредоточенные на цели, они не замечали людей, похожих на замшелые кочки. Рядом заревел медведь. Снег приподнялся на локтях, повернул голову и сквозь прутья увидел косолапого, окруженного мутантами. Рыча и ухая, они сужали кольцо, а возле соснового ствола стоял Взрослый в набедренной повязке. Его перекошенной морды издали видно не было, и он походил на здорового зара: бугрящиеся квадрицепсы, длинные мускулистые руки, жгуты мышц на сутулой спине.

Мутанты продолжали сбегаться к медведю отовсюду, и исход схватки был предрешен. Хрипуны, толкущиеся поодаль, бросали в него камни и комья грязи, крушители и клыкари пока ждали. Один шальной прыгун сиганул на косолапого – медведь, стоящий на задних лапах, полоснул его когтями. Мут заорал, и его соплеменники бросились на зверя. От его рева кровь застыла в жилах.

Первым в себя пришел Снег и прошептал:

– Бежим, пока они заняты.

– Ага, – отозвался Леший.

Колючая малина хватала за одежду, поцарапанные щеки горели огнем, но Снег не обращал на это внимания. Продравшись через заросли, они побежали по минному полю, поросшему маленькими соснами и высокой крапивой. Хотя Снег знал, что противотанковые мины не сработают, если на них наступит человек или зверь, все равно поначалу замирал при каждом шаге, как и Леший.

Достигнув поселка, они сбавили шаг и шли плечом к плечу, с оружием наготове. По широкой дуге обогнули улицу, где был сырой подвал и пару часов назад томились запертые мутанты. База находилась за сосновой рощицей относительно обособленно, до нее осталось максимум километр.

Двигаясь по пустынной улице мимо обветшалых заборов, ржавых ворот со струпами пузырящейся краски, мимо машин со спущенными, растекшимися по асфальту шинами, Снегу казалось, что они с Лешим – чужеродные элементы, единственные выжившие в цар-

стве смерти и тлена. Дома и гаражи безмолвно кричали распахнутыми дверями и воротами, слали проклятия чужакам.

Передернув плечами, Леший ускорился. Снег уставился вперед, туда, где дорога обрывалась в темнеющий лес, и наподдал. До леса – метров двести. Потом – быстренько пройти рощу, и будут восемь домов, стоящих в ряд. Даже сейчас они не развалились и выглядели роскошно: окна темного стекла, красные крыши, высокие кирпичные заборы.

Дом-крепость был с краю, обнесенный такой высокой стеной, что не видно его плоской бетонной крыши. Будто хозяин этого дома знал, чем закончится рассвет человечества, и заранее строил убежище от мутантов. Еще немного, и они спасены...

В лесу, откуда они пришли, грохнул выстрел, разорвалась граната, взревел раненый мутант. Снег дернулся, обернулся и бросился на Лешего, повалил его на землю, потому что в этот самый момент над их головами пролетел прыгун. Развернулся в полете и приземлился на все четыре. Леший подхватил автомат и лежа прошил мутанта очередью. Снег в это время перевернулся и контролировал тыл.

Едва раненый мутант взревел, как на помощь сородичу из брошенных домов начали выползать сонные мутанты.

– Упс, – проговорил Снег, сжал гранату. – У нас неприятности.

Раненый мутант продолжал реветь, он издох, только когда Леший разрядил в него полмагазина. Обернувшись, Леший выругался и отстегнул гранату от пояса:

– Отходим к лесу... Их много! Но может повезти.

Сутулая самка, поросшая сероватой шерстью, рыкнула, и мутанты оживились, двинулись сначала медленно и неуверенно, потом все быстрее и быстрее.

– Бросаем гранаты одновременно, и сразу бежим, – сказал Снег, замахнулся, целясь в ближайшую самку. – На «три». И раз, и два, и три!

Повалившись на живот, они с Лешим накрыли головы руками. Грохнуло, завопили раненые твари. Не дожидаясь, пока осядет пыль и мутанты придут в себя, Снег схватил Лешего за маскхалат, поставил на ноги, и они рванули к спасению.

Они неслись, не разбирая дороги, потому что по пятам гналась смерть. Чтобы преодолеть расстояние, бегунам понадобятся считанные секунды...

Леший поскользнулся на хвое, Снег поддержал его, обернулся, выстрелил очередью в приближающегося бегуна. Попал! Мут замедлился, но не отказался от добычи, обнадеживало только, что теперь его скорость равнялась человеческой.

Рванули дальше, выскочили к крайнему дому, помчались к ограждению дома-крепости. Снег отметил, что ворота заперты. Но внутри наверняка кто-то должен быть! Чтобы привлечь к себе внимание братьев, уже почти у ворот Снег разрядил пистолет в мутов. Пока он менял магазин, Леший поливал их свинцом.

Ворота никто не открывал. Снег ударил их ногой, принялся стучать рукоятью мачете. Тем временем мутанты подбирались все ближе.

– Да что ж такое, – пробормотал он. – Есть там кто-нибудь? Вы с ума сошли? Нас тут сожрут!

Спасение пришло, откуда его не ждали: из лесу вырулил броневик, устремился к мутам и раскидал их. Заработали крупнокалиберные пулеметы, вырвался язык пламени, облизывая мутантов, которые предпочли ретироваться, глядя, как катаются по земле собратья, сбивая огонь.

Откинулся люк, и на броню вылез Беркут:

– Сейчас откроют. Радим уже на базе.

Или Снегу показалось, или наставник был сам не свой. Дернулись ворота, подтолкнув в спину, и створки начали разъезжаться. Подождав, пока Снег и Леший попадут на огороженную территорию, Беркут покатил к гаражу, который находился во дворе соседнего дома.

Снег выглянул из-за ворот: возмущенно рычащие мутанты медленно и осторожно подступали к стенам, осталось их немного, штук двадцать.

– Давай быстрее, – сказал Леший. – Вдруг они через забор попрут?

Снег переступил через кучу мусора и распахнул тяжелую стальную дверь в дом-крепость. Ход на базу находился под лестницей.

Леший отодвинул в сторону гнилую, поросшую плесенью деревянную перегородку, имитирующую стену, и откинул люк.

Если вдруг чужак не убоится поляны смерти, не попадет на глаза патрульному, не угодит в ловушку, коих на подходе к базе великое множество, и все-таки проникнет в дом-крепость, то ни за что не догадается, что где-то неподалеку – орден Призрака, человека-легенды. Потому что казалось, будто тридцать три года, с тех самых пор, как началась эпидемия, в доме не ступала нога человека. На мраморной лестнице – присыпанный отвалившейся штукатуркой мумифицировавшийся труп. В комнатах – заплесневелые груды гнилого тряпья и рассыпавшейся от сырости мебели, на втором этаже – гнезда голубей и мышиный помет.

Но если хорошенько поискать, то можно сообразить, что стена под лестницей, куда ведут протоптанные в грязи дорожки, уж очень свежая. Ручка входной двери отполирована, значит, за нее часто берутся.

Перед тем как вслед за Лешим спуститься в люк, Снег выглянул в окно: мутанты стены не штурмовали. Уже хорошо, не надо потом очищать от них территорию поселка.

Леший ждал его на бетонной лестнице, ведущей вниз.

– Что там? – спросил он.

– Все нормально. – Снег спустился к нему, открыл вторую дверь и очутился в тесной прихожей. Шагнул в раздевалку и обомлел, увидев в зеркале с почерневшими от времени краями встрепанное существо, измазанное грязью, в рваной одежде, с потеками пота на лице, перечеркивающими полосы боевой раскраски.

– Пожалуй, мне надо в душ, а то потом базу не отмоем.

– Согласен. Жду в столовой, – откликнулся Леший.

Снег мылся, зачерпывая воду ковшом из синей пластмассовой бочки. Ледяная вода привела его в чувства, и он принялся тереться. Даже когда отмыл грязь, продолжал драить тело, словно дурное предчувствие тоже могло раскиснуть и отойти от души.

* * *

Радим сидел на своем привычном месте за столом, глядя в пол и скрестив руки на груди. Ссутулившийся, не похожий на себя Березка являл собой немое раскаяние: зубы стиснуты, ладони сжимают виски. На окружающее он не реагировал. Леший вроде не понимал, что происходит – довольный жизнью и собой, он вытянул скрещенные ноги и хрустел сухарем. Демон, понятное дело, добраться не успел.

Беркут пришел одновременно со Снегом, обвел собравшихся стеклянным взглядом. Березка скукожился, словно его собрались бить, и прошептал:

– Я не успел вовремя заглушить их сигналы. Наверное, они связались с бункером, и теперь... Теперь все пропало. Все наши старания. Из-за меня. – Он лопотал, глядя в стол, и его бледные губы дрожали. – Вам надо уходить, а я останусь. Я недостойн...

Беркут хлопнул по столу – все вздрогнули – и вздохнул:

– Березка, хватит себя накручивать. Если кто и провалил задание, так это я.

Снег вскинул брови:

– Ты не взорвал их машины?

Он не мог поверить, что Беркут... Никогда не ошибающийся, ответственный и справедливый Беркут допустил ошибку. Это все равно если бы солнце взошло на западе и село на востоке.

– В нашу сторону двигались три машины. Одна подорвалась на mine, вторую уничтожил я, а третью атаковали мутанты, и она врезалась в стену и заглохла. Я подумал, что им пришел конец, и, не подъезжая близко, остался наблюдать издали. И тут откуда ни возьмись появилась четвертая машина. Тогда я прицелился в нее из РПГ. – Он поник, тряхнул головой и продолжил: – И он не сработал.

– Бывает, – кивнул Леший. – У нас все старое, вот и ломается.

Будто не слыша его, Беркут продолжил:

– Тогда я принялся стрелять, но им удалось уйти, всем, кроме двух. А я получил порцию картечи, и теперь моя правая рука висит плетью. – Он скинул маскхалат, демонстрируя окровавленную неподвижную руку. – Чистые уехали. Теперь они вернуться с новыми силами.

– Но ведь у нас есть время, – проговорил Снег. – Вряд ли они нагрянут прямо завтра. Мы должны успеть перенести самое ценное в другое место...

– А когда вернется Учитель? – задал Леший вполне здравый вопрос.

– Завтра. Максимум через три дня, – ответил Беркут. – Я с ним связался... Перемещаться надо подальше отсюда, чистые теперь все тут с землей сравниют – боятся нас больше смерти. Значит, план действий такой: ждем Демона и начинаем собираться.

– А куда мы пойдем? – поинтересовался Леший.

– На север, там есть убежище. Единственное «но» – у нас бронетехника и трициклы. Не представляю, как мы переместимся, не наследив.

Снег предположил:

– Нам бы очень помог дождь. Мутанты загнали бы заров в убежища, а нашим броневикам они ничего не сделают.

Беркут дернул плечом:

– К сожалению, ни я, ни Учитель не можем вызывать дождь.

Глава 3

Старания всех – благополучие каждого

Впервые в жизни в комнате обеззараживания Яр надеялся, что резинокольчуга порвалась и его незаметно усыпят. После того как с него сняли костюм, к нему подошел санитар, взял кровь на анализ. Яр привалился к стене герметичной комнаты два на два, представил Витязя, хладнокровно ждущего своей участи: светлые волосы прилипли ко лбу, в серых глазах – холод стали. Сегодня его звездный час, Яр не сомневался, что боевой товарищ попытается его утопить, чтобы занять место главного следопыта в бригаде. Если так разобратся, Яр погубил доверившихся ему людей, а значит, даже смерть не искупит его вину.

Через полчаса вернулся санитар, сделал Яру укол. Следопыт закрыл глаза, надеясь, что вот сейчас яд подействует... Лучше смерть, чем позор. Но ничего не случилось, и дверь с легким вздохом отворилась, пропуская его в фильтрационную, за которой по длинному коридору топал Витязь. Услышав за спиной шаги, он обернулся, помахал Яру и остановился, дожидаясь его.

Ничего нельзя было прочесть на его каменном лице. То ли он и правда не волновался, то ли стал идеальным членом общества и придушил в себе ростки эмоций. Как Яр ни старался, иногда они все равно прорывались, как вода через плотину. Например, сегодня. Нельзя показывать, что он – слабая плотина, и Яр нацепил на лицо маску безразличия.

По лестнице они спустились в раздевалки, где в вечерний час было пустынно, лишь орудовал шваброй уборщик в оранжево-черном. При виде воинов уборщик поспешно ретировался. Сняв пропитанные потом серые облегающие костюмы, специально разработанные так, чтобы резинокольчуга не натирала и не раздражала кожу, облачились в синие комбинезоны с лиловыми вставками на груди. Носить синий имели право только воины, лиловый цвет – знак принадлежности к сословию следопытов.

По пути в Спарту все-таки удалось связаться с командованием, и Витязь вместе с Яром рассказали об увиденном: и о странных машинах-зверях, и о существе, убившем Лену, и о том, что неведомые враги научились работать в тандеме с мутантами. О потерях пока умолчали, как и о том, как принималось решение исследовать заведомо опасную территорию. А это вопиющее нарушение Устава!

Перед выходом в жилой отсек Яра и Витязя поджидали люди в сине-черных комбинезонах, стриженные налысо – внутренняя охрана. Яр ничуть не удивился, поздоровался с коллегами, похожими как братья: оба были средних лет, с крупными подвижными ртами и глубоко посаженными глазками, скрытыми под черными, сросшимися на переносице бровями.

– Командир отряда кто? – спросил тот, что справа.

Яр представился, потом представился Витязь, и охранники переглянулись. Левый ткнул пальцем в Витязя:

– Виктор, ты пройдешь со мной, Ярослав – с моим коллегой. И пожалуйста, без глупостей! Это приказ руководства.

Видимо, наконец в штабе озаботились потерями.

– Не беспокойтесь, мы чтим Устав, – обнадежил конвойного Яр. – Мы направляемся на совещание, созванное внепланово в связи с экстраординарной ситуацией, а вы нас задержите.

Охранник равнодушно кивнул:

– Мы знаем. Без вас оно не состоится.

– А остальные члены команды где? – Витязь завертел головой.

– Они уже на местах. Следуйте за мной.

Шли цепью: Яр, за ним охранник, затем Витязь и его конвойный. Рабочие теплиц в оранжевом, возвращающиеся с работы шумной толпой, притихли и прижались к стенам, пропуская процессию. Они не смели говорить, пока конвой не разделился, приблизившись к залу заседаний, именуемому Колизеем. Здесь коридор разделялся на два, обтекая округлую выпуклость стены. Яра повели налево, Витязя – направо.

Наверное, хотят разделить всех, чтобы избежать сговора. Но ведь можно было сговориться раньше и скрыть нежелательные подробности.

Через каждые двадцать метров в стене были одинаковые белые двери. Некоторые пока не заперли, и оттуда доносился многоголосый гул.

Наконец конвойный распахнул одну из дверей, и Яр очутился в Колизее, начал спускаться по узкой лестнице вдоль трибун, заполненных людьми. Миновали средний ряд, где обычно сидели следопыты, сошли ниже, еще ниже, к самому первому ряду, который занимало Командование. Яр отыскал взглядом Главнокомандующего, и сердце пропустило удар. Неподвижное, будто высеченное из камня лицо, изборожденное глубокими морщинами, короткие седые волосы, черные глаза – нацеленное дуло дробовика.

Не к месту пришла безумная мысль. Интересно, что чувствовал бы Главнокомандующий если бы отдал приказ, повлекший плачевные последствия, и его судили на военном суде? Испытывал бы страх, негодование или вину? Или он привык, что на него постоянно нацелены глаза подчиненных? Дрогнул бы хоть мускул на каменном лице? Или победить зловредные эмоции реально, просто Яр слаб и не справляется с ними? Но как можно, когда Ронна, его маленькая сестра... Витязь ее... у нее же дети!

Все участники громкого дела заняли второй ряд. Между фигурантами сидели конвойные, цель которых – следить, чтобы подконтрольные им люди не переговаривались. Всего было двенадцать свидетелей – семь человек из команды Витязя и пятеро людей Яра. При мысли о погибшей Ронне его захлестнуло отчаяние, но он не выказал чувств. Конвоир указал на крайнее кресло в первом ряду, и Яр сел; через одного сидел кусающий губы наводчик, светловолосый молодой солдат с крупным ртом и курносый носом, косился на командира. У него было открытое, очень подвижное лицо. С таким лицом ему не светило подняться по служебной лестнице: сразу видно, человек нервный, с неустойчивой психикой.

Витязя посадили в другом конце ряда, Яр чуть наклонился вперед, чтоб видеть его: лицо бледное, будто мраморное, немигающий взгляд устремлен на трибуну, пальцы сцеплены, руки лежат на колене. Яр ощущал давление тысяч глаз, сверлящих затылок, и старался побороть ощущение беспомощности. Он – достойный сын Спарты и трудился на благо анклава много лет. Да, он поддался честолюбию, но все, кроме Витязя, кто знает его мотивы, мертвы, и ему необязательно их озвучивать. Можно сказать, что недооценил опасность. Главное, чтобы первое слово дали ему, экипаж может наболтать лишнего.

Гудящий зал шумел так, как шумит весенний ливень, обещая голодных с зимы мутантов, готовых умереть ради куска пищи. Люди в бункере живут обособленно. У них мало развлечений, и они рады любой новости, любому громкому процессу, чтобы потом смаковать в своих клетушках каждую деталь.

Только бы Юля не узнала, что ее муж попал в переделку. Беременность протекала тяжело, дурные вести могли спровоцировать выкидыш. Яр столько ждал своего первенца!

Шелест чужих голосов превратился в грохот, зашипел и стих. Зашелестели одежды встающих со стульев людей. Яр тоже встал, приложил руку к груди и затянул гимн Спарты – тысячи людей, влияющих на судьбу анклава, слились в единении, голоса взвились ввысь.

По ступеням грузно спускался Верховный Судья в сопровождении двух женщин-секретарей. Судья был лыс и вид имел болезненный. Говорят, что еще когда была на ходу техника старого времени, он снарядил экспедицию, продвинулся так далеко на север, что заболел, и у него выпали даже брови и ресницы. Только за заслуги перед анклавом его не

подвергли эвтаназии, и он оправдал доверие: стал много учиться и преуспел в инженерном деле. Ножи на корпусе паровиков – его изобретение.

Наконец Верховный Судья доковылял до середины нижней площадки Колизея, привалился к трибуне, взял громкоговоритель, поднес к губам:

– Приветствую всех собравшихся! Можете присаживаться.

Захлопали откидные стулья, закричали. Яр тоже сел, не сводя взгляда с Судьи. Само его появление странно. Вроде никто не предъявил обвинение и дело должен вести Главкомандующий. Молодая рыжеволосая секретарша протянула ему синюю папку, положила на стол трибуны, принялась перебирать листы, ткнула пальцем в папку, Судья кивнул и проговорил:

– Многие из нас помнят времена, когда большая часть вооружения и техники досталась зараженным. Военные сразу же сформировали банды и поставили целью найти и уничтожить всех чистых. Два бункера им удалось подвергнуть заражению, и в самое благодатное время нам приходилось не снаряжать экспедиции, чтобы спасти и сохранять технологии, а запереться и выжидать. Шло время, машины приходили в негодность, патроны заканчивались. Носители знаний вымирали, на смену приходила молодежь. Все, что интересует нас, портилось и уничтожалось. Благодаря нашим усилиям теперь зары глупы, и от них пользы больше, чем вреда. Мы сделали все возможное, чтобы стереть с лица земли опасные группировки, и на севере Подмосковья таковых не осталось. – Он взял паузу, осмотрел собравшихся и продолжил: – Точнее, мы думали, что не осталось. До сегодняшнего дня. Точнее, вечера.

Колизей загудел, Яр мысленно выдохнул: его не собираются обвинять! Всем плевать на потери, близкий и опасный враг гораздо важнее. Немного расслабившись, он обернулся, чтобы найти взглядом Юлю. Она тоже имела доступ в Колизей, но ее место располагалось в предпоследнем ряду, и Яр отсюда не нашел ее. Надтреснутый голос одышливого Судьи заставил его посмотреть на трибуну.

– Сегодня две бригады совершили поход в Лобню с целью контакта с зараженными. В результате недалековидных действий командиров групп три два танка вместе с экипажами полностью уничтожены неизвестным и опасным противником, третья машина брошена на поле боя, экипаж выжил благодаря Виктору, командиру четвертой машины. Именно он связался со штабом и рассказал о страшном открытии. Некоторые из вас уже кое-что слышали, настало время узнать правду всем нам. Мы должны коллективно разобраться с тем, что увидели там следопыты и солдаты. – Судья перевел дыхание, кашлянул и продолжил: – Ярослав, взявший ответственность за произошедшее на себя, поднимись и иди сюда. Да, и еще захвати мне стул, а то ноги не держат.

Бросило в холод. Яр знал, что его вызовут на трибуну, но все равно приглашение застало его врасплох. Прихватив стул для Судьи, Яр направился в середину зала, прямой, как палка. Аж плечи свело.

Судья опустил на стул сиденье и сказал прежде, чем передать громкоговоритель Яру:

– Итак, рассказ Ярослава, командира экспедиции. Клянешься ли ты, Ярослав, Уставом, говорить правду?

– Клянусь, – кивнул Яр, занимая место на трибуне.

– Напоминаю – за лжесвидетельство, а также за умышленный вред, принесенный анклаву или его обитателям вне зависимости от социального статуса, виновник подвергается эвтаназии или лишается всех званий, регалий, привилегий и права голоса.

Яр по пути сюда уже придумал свою версию случившегося. Вот только поверят ли они, и что скажет Витязь? Сдаст или подставит спину? В лучшем случае Яру грозит всеобщее порицание, в худшем – эвтаназия. И десяток промежуточных наказаний от разжалования до исправительных работ в теплицах.

– Доброго дня всем, – сказал Яр и начал рассказ, стараясь придать голосу твердость. Их нужно убедить. Люди любят сильных.

Он говорил и говорил – о том, какие зары дикие и опасные, как они ни за что забили насмерть соплеменницу. Вспомнил о найденной обойме. Следует сделать упор, что Яр и не подумал о Призраке, он решил, что подросток заров подобрался к военным складам, о которых забыли. Или нашел схрон, который сделали военные старого времени и вымерли, не израсходовав боеприпас. Поскольку погода стояла благоприятная, на пути не было водоемов, Яр решил, что группе угрожает минимальная опасность, и отдал приказ выдвигаться. Не спрашивает же каждый раз следопыт, можно ли ему обследовать данный участок местности.

Закончив, он положил громкоговоритель, с трудом расцепил непослушные пальцы и завел руки за спину. Зал гудел. Тысячи лиц слились в лицо единственного человека – Ронны. Она смотрела укоризненно: это ты меня убил, брат. Плевать на всех остальных, на Лену. А меня-то за что? Яр посмотрел вверх, в бетонный потолок с огромными лампами, подумал, что задерживать здесь людей – расходовать энергоресурс анклава, потому правильнее быстрее заканчивать, однако Судья имел свое представление о правильном и должном. Седовласая статная секретарша принесла ему второй громкоговоритель, и он продолжил:

– Маленькое отступление. Некоторые свидетели произошедшего утверждают, что проводник, мальчишка-зар, предупредил, что вы собрались в опасное место, там обитает нечто очень скверное. Так?

Началось. Они решили совместить обсуждение проблемы с судебным процессом. Прекрасно.

– Да. Вам, наверное, известно, что именно он рассказывал. Члены моей команды слышали его рассказ. Например, наводчик Олег.

Парень замер, разинув рот, уголок его глаза задергался, но все что он смог сделать – сжать челюсти. Этот врать не будет, слово в слово передаст слова Волчика, да еще и украсит.

– Не возражаете, если я ненадолго передам ему слово? – Не дожидаясь разрешения, Яр покинул трибуну, шагнул к наводчику и протянул ему громкоговоритель.

Парень едва его не выронил, поднес к губам, вскакивая, и спросил:

– А что мне говорить?

– Помнишь рассказ Волчика про монстров? Перескажи слово в слово.

– Но я не помню точно, – проблеял наводчик.

– Значит, поделись тем, что помнишь.

– Хорошо. – Парень сидел в середине ряда, потому решил не тянуть время, развернулся лицом к собравшимся. – Значит, было парню лет тринадцать наших, ихних лет – больше. Он нашел эту, с патронами. Как же ее? Обойму! Но когда мы попросили его нас проводить ну... туда, где он нашел, он испугался, сказал, что там обитают чудовища. – Он потупился. – Значит, это... Здоровенное, как корова, шестиногое, с клешнями спереди. А еще у него кости ночью светятся.

Далеко позади кто-то захохотал и смолк. В зале зашептались. Яр забрал громкоговоритель у подчиненного и обратился к Судье:

– Вы бы поверили в такое? – Старик помотал головой, потер огромный пористый нос. – Вот и я не поверил. Все мы знаем, как зары любят небылицы. А магазин к автоматическому оружию был вполне реальным, к тому же место находилось в паре часов езды. Я понимаю, что из-за моего решения погибли люди и анклав потерял три танка. Но на моем месте мог оказаться каждый! Я действовал на благо Спарты. Там погибла моя сестра, подумайте сами, мог ли я намеренно...

Судья поднял руку, прерывая Яра:

– С этим все понятно. Теперь давайте разбираться, что произошло на месте. Показания ваших людей разнятся, они видели разное. Теперь твоя очередь, говори.

Во рту пересохло, безумно хотелось пить, но Яр взял громкоговоритель и рассказал о поездке по промзоне, о поляне, заваленной костями, где люди нашли ужасную смерть, подчеркнул, что подумал о Взрослых и потому не повернул назад и не доложил о находке. Затем было первое нападение мутов, второе, более агрессивное, и странные твари: одно в шкуре, второе – чешуйчатое, которые оказались людьми на механизмах.

– Тогда я отдал приказ связаться со штабом и поворачивать назад. Повернуть-то мы повернули, но связь прервалась, словно ее глушили извне.

Зал снова загудел. Поднялся Главнокомандующий и взял слово. Голос его был низким, рокошущим, как гудок, и его было слышно даже без громкоговорителя:

– То есть ты утверждаешь, что на севере обитает поселение развитых заров, которым удалось не только сохранить, но и приумножить технологии?

– Именно так, – кивнул Яр, глядя в два нацеленных ствола его глаз. – Не знаю, как насчет «приумножить», но сохранить и адаптировать вполне удалось. А кости на поляне, трупы, механизмы, замаскированные под зверей, – все это делалось, чтобы деморализовать противника и заставить его повернуть назад. Да, я с уверенностью говорю: там пусть не многочисленная, но мощная группировка под предводительством как минимум иммунного.

– А как максимум? – Лицо Главнокомандующего оставалось все той же маской каменного истукана.

– Не знаю. Это точно не мутанты. И еще те люди от нас прячутся. Если бы мы не приблизились, они бы не напали.

Яр замолчал. Зал больше не обращал на него внимания – гудел, озабоченный новостью. Одни уже мысленно снаряжали туда экспедицию, другие паниковали, представляя атаку заров, имеющих оружие старого времени. Третьи грабили жилища заров, получали эквивалент и повышение по службе. Яру больше всего хотелось увидеть Юлю, обнять ее и попытаться вычеркнуть сегодняшний день из памяти. И не думать о грядущем наказании, которое обязательно будет.

Потом Судья велел Яру занять свое место. Он сел, потный и опустошенный, передав громкоговоритель Витязю. Ему было все равно, утопит его боевой товарищ или попытается вытащить. Если бы выжил Проф, он, возможно, слово в слово передал бы их разговор, где Яр предлагал наплевать, по сути, на Устав, и выдвинуться в заведомо опасное место собственными силами, чтобы получить максимум выгоды.

Надо было доложить, когда решение ехать на север обсуждалось узким кругом, но выставить проблему смехотворной. Что-де мальчишка чудищ с клешнями испугался, говорит, что там зары пропадают. А где они не пропадают?

Но хорошая мысль, ясное дело, опаздывает. Доложи он о принятом решении, никто не спрашивал бы с него сейчас, под раздачу попали бы военные штаба, которые одобрили бы операцию.

К счастью, Витязь подтвердил рассказ Яра. Затем настала очередь солдат, сведения которых совпали, разнились они только тем, что одни видели монстров, другие – людей на технике. А еще кто-то из команды Витязя предположил, что зарам удалось подчинить мутов и они действуют сообща.

Дал показания водитель танка, еще несколько человек Витязя. Яр сидел, глядя перед собой и делая спокойный и обеспокоенный вид. Наконец Судья взял слово и попросил командный состав остаться для принятия коллективного решения по сложному вопросу. Остальным было велено покинуть помещение.

Присутствующие встали и направились к выходу, встревоженно гудя. У дверей и в коридоре собралась толпа, и Яр решил пока подождать, чтобы избежать лишних вопросов и толчеи. Встал, пропуская своего конвойного, спросил у него:

– Я могу быть свободным?

– Пока да. Видишь, не до тебя сейчас.

Не понравился Яру тон охранника. Значит, наказания не избежать, скоро известие дойдет и до Юлии, надо успеть к ней раньше. Обнять успокоить, убедить, что даже без него она боевая единица... Нет, лучше бы она думала, что все хорошо, его скоро наградят и повысят...

Пока он пропускал солдат, привалившись к стене, к нему подошел Витязь, прищурился:

– Теперь ты мой должник. Нужно объяснять почему?

– Потому что если бы ты утопил меня, – проговорил Яр, притягивая к себе Витязя за грудки, – то пустил бы пузыри спустя несколько секунд.

Вздумавший его шантажировать Витязь шархнул, едва не налетев спиной на рыжую секретаршу Судьи, извинился сквозь зубы. Яр отвернулся и зашагал к выходу, расталкивая зазевавшихся прохожих.

Он шел домой, ледоколом рассекая людской поток. Каждому следопыту, тем более семейному, полагался личный кубрик три на два метра на четвертом ярусе снизу. Выше располагались военные с заслугами перед анклавом и ученые, выдающиеся инженеры. На шестом и седьмом ярусах, куда можно было добраться только на лифте, обитал высший командный состав и герои.

Жители первого-третьего ярусов ютились в общих комнатах. Солдаты третьего яруса – в комнате на четверых, работники теплиц и обслуга – вшестером, а то и ввосьмером в одном помещении. Скоро и ему придется перебираться к рабочим. Юлия, конечно же, уйдет от него. Что такой представительной женщине делать с неудачником? Ребенок отправится в интернат...

Яр помотал головой и, пропустив группу знакомых следопытов вперед, чтобы избежать вопросов, направился к лестнице. Вот тебе и слава, и Зеленая Карта, и Стена Памяти.

Коридор находился на уровне третьего яруса, Яру предстояло подняться на один. В отличие от третьего яруса коридор на четвертом был просторным и хорошо освещался. Справа и слева тянулся ряд пронумерованных жестяных дверей, расположенных через каждые три метра.

Комната Яра под номером 246 находилась справа. Следопыты делили ярус с младшим офицерским составом, научными сотрудниками, инженерами и солдатами, имеющими особые заслуги перед Анклавом.

Дверь с номером 246 оказалась запертой. Неужели Юлия побывала на собрании? Или она в лазарете? Ну да, точно. Наверное, опять угроза выкидыша. На всякий случай он постучал, приняв ухом к жести – совершенно иррациональный поступок, но иногда Яр слушал интуицию. Послушал бы тогда, когда мальчишка про чудищ рассказывал...

Или ему показалось, или он услышал шевеление и всхлип. Может, Юля там, ей плохо? Он снова постучал:

– Солнышко мое, ты там? Открывай, это я, Яр!

Снова всхлип, шаги – шлеп-шлеп-шлеп. Неуверенные шаги смертельно уставшего человека.

– Сейчас, – прохрипела Юлия, громыхнула щеколдой и приоткрыла дверь, но почему-то не впустила Яра.

– Что случилось? – вспыхнул он, толкнул дверь, вошел. – Я пришел домой, я чуть не умер...

Слова застали у него в горле: растрепанная, похудевшая жена, одетая в серую ночную рубашку, качала на руках сверток. Сверток причмокивал и сопел. Возле кровати валялось скомканное постельное белье, стоял таз с водой. Яр остолбенел, не в силах ни радоваться, ни расстраиваться. Юлия родила? Родила. Родила! Родила?! Раньше срока на полтора месяца. Дома, в антисанитарных условиях, сжав зубами ложку. Никого не известив о ребенке, иначе бы ее положили в родильное отделение, проверили ребенка на предмет соответствия...

Шумно вздохнув, он опустился на койку, закрыл руками лицо.

– Об этом надо рассказать общественности, пока еще не поздно, – прошептал он, упал на кровать и устался в потолок.

Юлию он не видел, она стояла в стороне, и ребенок тихонько скулил. Его долгожданный первенец.

Юлия всхлипнула и пролепетала:

– Он такой слабенький, я боюсь. А если они его забракуют? Лучше я его откормлю и покажу, когда он станет большим... Он грудь берет и дышит нормально.

Яр поднялся на локтях. Жена присела рядом – жалкая, с черными кругами под глазами и красными пятнами на коже.

– Послушай, – вздохнул Яр, – Врачи определяют, что он жизнеспособный, пусть и недоношенный. Тебе не о чем бояться. Дай мне взглянуть на него.

Юлия подвинулась на край кровати, потрясла головой:

– Не все так просто, он... немного необычный. Но это не будет ему мешать.

Яр встал. В глубине его души зарождалась злость, как формируется грозовой фронт. За пять лет совместной жизни Юля научилась понимать его и делать то, что нужно, потому положила ворчащий сверток, развернула дрожащими руками. Появилось лицо, сморщенное, красное, какое-то складчатое. Когда ребенок раскрыл рот и издал не крик, нет, скрипучий хрип, как несмазанная дверь, и Яр заметил раздвоенные небо и губу.

– Юля! – воскликнул он. – Ты же видела это! Это, по-твоему, «немного необычный»?

Ребенок, покрытый длинным белесым пухом, красный, тощий, похожий на червяка, продолжал скрипеть и дергаться. Только сейчас Яр обратил внимание, что новорожденный – девочка. Юля принялась молча её пеленать. Прижала сверток к груди и отошла к стене, как перед расстрелом, помотала головой:

– Не отдам. Она моя. Выстрадавшая. Уйду на поверхность. Помогите мне уйти на поверхность! – Юля упала на колени и разрыдалась.

Яр перестал чувствовать и соображать. Распахнул дверь, проверяя, нет ли в коридоре чужих ушей, приложил палец к губам, кивнул.

Бесполезно что-либо объяснять Юле. Если оставит ребенка, она нарушит Устав, ребенка все равно ликвидируют, а ее в лучшем случае переведут на нижний ярус. Ради нее самой нужно помочь ей, отнести ребенка эвтанологу, а странное поведение списать на послеродовой психоз. Потом она спасибо скажет. Его все равно разжалуют, она найдет кого-то повлиятельней и новых нарожает.

– Конечно, помогу. Там не так плохо. Иди ко мне, бедная моя девочка. – Яр распахнул объятия, Юля всхлипнула и с готовностью прильнула к его груди вместе с маленьким уродцем.

Яр принялся гладить ее по волосам.

– Маленькая моя, ты знаешь, как я сильно тебя люблю, и сделаю все возможное, чтоб тебе было хорошо. Я спасу тебя.

Он намотал ее длинные волосы на кулак, запрокинул голову и ткнул пальцем в шею слева – Юля даже вскрикнуть не успела, закатила глаза и обмякла. Яр поддержал ее, а падающий сверток с младенцем ловить не стал, надеясь, что он убьется насмерть. Но ребенок не убился и даже не ушибся – копошился и обиженно скрипел.

Положив Юлю на кровать, Яр связал ее поясом от халата, поднял сверток и шагнул в коридор. Он старался идти как можно быстрее, чтобы опередить сомнения. Он собирается убить собственного ребенка, половина которого слеплена из его генетического материала. Может, он даже вырастет похожим... Нет! Красный червяк, маленький уродец, который угробит его Юлию.

Но ведь она никогда не простит... Плевать! Главное, поступать правильно, по Уставу. Однажды он уже нарушил его, и теперь расплата не за горами. Возможно, его предадут эвтаназию...

В Спарте экономили патроны и дорогостоящий яд, потому эвтаназию осуществляли просто: вгоняли металлический штырь в основание черепа. Если уничтожали ценного члена общества, его прежде усыпляли. Яд использовали только для умерщвления отживших свое героев и правителей. Младенца убить и того проще: накрыл ладонью лицо, подержал немного...

Яр развернул ребенка, посмотрел по сторонам, чтобы не было свидетелей, положил руку на крошечное лицо – горячее, влажное. Ребенок задергался, и Яр убрал руку, отвел взгляд. Чертова сентиментальность! Он прибавил шагу, чуть ли не бегом миновал поздоровавшихся с ним инженеров.

Как и медики, эвтанологи располагались на нулевом ярусе. Широкий прямоугольный коридор, четыре двери: коричневая – в хранилище, желтая – в лабораторию, белая – в лазарет, черная – к эвтанологу. Они жили в престижном пятом секторе, потому что не каждый решится лишить жизни человека таким способом, и эвтанологи, которых всего трое, были очень нужны обществу.

Не делай этого – вопил нытик, с которым Яр боролся всю свою жизнь.

Яр заставил себя включить здравый смысл. Чем ты поможешь бракованному младенцу? Он и так не жилец, вылечить его не смогут, на поверхности он погибнет вместе с Юлей. Если ввяжешься в это, тебя и ее убьют.

Нытик не унимался: должен быть выход! Ты можешь пронести младенца на поверхность, передать зарам и приказать заботиться о нем, это ведь твоя дочь, в ее жилах твоя кровь! Неужели ты убьешь ее? Да как ты сможешь после этого жить?

Смогу, еще как смогу. Двое здоровых людей, приносящих пользу обществу, важнее маленького уродца. И пусть он... она – моя дочь, она все равно умрет, а если выживет, будет калекой, пиявкой на теле общества. Нежизнеспособное должно умирать, так лучше и для калеки, и для его родителей. Жизнь каждого индивида обходится слишком дорого, общество не имеет права содержать бесполезных экземпляров.

Вспомнились недавние мечты о Зеленой Карте. Если бы не попал в засаду и сразу рассказал чистым правду о Призраке, он получил бы ее и применил, даровав жизнь этому младенцу. Каждый чистый – не хозяин собственной жизни. Жизнь каждого зависит от общества, потому важно соблюдать Устав.

Он толкнул дверь ногой – она открылась внутрь просторного помещения, озаренного ярким теплым светом. Направо и налево уходили два коридора. Налево светлый и белый, разрисованный цветами, бабочками, сказочными зверушками, направо – обычный больничный коридор. Издали доносилась убаюкивающая музыка, пахло свежестью и чем-то пряным, острым.

– Проходи, друг мой, – проговорили приятным баритоном, и Яр невольно подпрыгнул, завертел головой. Эвтанолог продолжал: – Не смотри на меня, не ищи меня взглядом. Положи приговор в почтовый ящик на стене и проходи.

– Я не приговорен, – ответил Яр. – У меня родился неполноценный ребенок. Дефекты настолько очевидны, что освидетельствование не нужно.

Донесся судорожный вздох. В белой стене появилась щель, расширилась, и навстречу шагнул коренастый круглолицый мужчина с обвислыми щеками, без бровей на надбровном валике, в колпаке-«таблетке». Эвтанолог заметно сутулился, и мощные руки свисали, казалось, до самых колен. Он вскинул голову, и Яр потупился, словно боялся, что из глаз этого человека посмотрит смерть.

– Слава богу, – промурлыкал эвтанолог, протянул руки к младенцу, он будто почувствовал, что ему осталось недолго, заскрипел, задергался. – Ко мне редко люди заходят. В смысле, обычные, не приговоренные. Те если придут, обязательно начинают жаловаться. Ноют, ноют, все им плохо, в провинностях каются. В старые времена был специальный человек, который с обреченными разговаривал и всех прощал, – священник. Вот, я священник и палач в одном лице.

Яру захотелось прижать ребенка к груди, ударить эвтанолога, уничтожить, потому что не может, не должен существовать человек, жизнь которого заключалась в смерти других. Но он в тысячный раз подавил слабость, положил сверток на письменный стол, обнажил голову плачущего ребенка.

– Этого, думаю, достаточно.

– Достаточно, да, – промурлыкал эвтанолог, потер руки, заглянул младенцу в рот, цыкнул зубом и утешил Яра: – Порок называется волчьей пастью. Обычно у таких детей много других дефектов, и они долго не живут, больше мучаются. Так что ты, безусловно, прав.

Эвтанолог опустил на стул, достал из ящика стола бумагу с бланком, попросил Яра назвать себя и имя матери, записал данные в бланк и журнал.

– Ты мужественный и хладнокровный. Достойный сын Спарты. Я восхищен, потому напишу заявку, чтоб тебя премировали.

Ребенок на столе все скрипел и скрипел. Яр смотрел на него и думал, что еще не поздно проломить голову эвтанологу и сбежать с младенцем на поверхность или где-то спрятать его.

Копию бланка эвтанолог выдал Яру, небрежно поднял ребенка – голова его болталась, свешивалась с руки.

– Предъявишь сам знаешь кому. Спасибо за содействие. – Эвтанолог похлопал Яра по спине, и он пошел к выходу, будто получив ускорение.

Яр понимал, что должен гордиться собой: не каждый спартанец способен на такой поступок, но почему-то чувствовал себя грязным и ничтожным. Сплюнув под ноги, он побежал к Юле, надо ведь развязать ее, но прежде – объяснить, почему он так поступил и что это для ее же блага. Но стоило ему закрыть глаза, как по ту сторону сомкнутых век возникало красное сморщенное лицо младенца.

Всеми силами Яр запрещал себе думать о смерти ребенка, но мысли все лезли и лезли. Наверное, эвтанолог просто придушит его подушкой, упакует тело, чтобы потом выбросить его на поверхность. Не станет же он сворачивать тонкую шею...

Задумавшись, Яр едва не миновал свою комнату. Юля была на месте – куда ж ей деваться-то? Сидела на кровати, свесив голову на грудь. Она освободилась, но убежать не спешила, и это радовало. Когда дверь открылась, она выпрямилась и посмотрела в упор. Яр ожидал увидеть такой взгляд у эвтанолога, но не у своей супруги. Сама смерть смотрела из ее глаз. Не ненависть, нет – черное льдистое ничто.

Яр взмахнул бланком:

– Эвтанолог нашел еще пороки, несовместимые с жизнью, и дал заключение. Сейчас ты злишься, но уже завтра поймешь, что я избавил тебя от мучений и позора.

Юля молчала, чуть кривился уголок ее рта. Если бы взгляды убивали, то Яра бы уже рассеяло на атомы, но он тешил себя мыслью, что женщины, несмотря на эмоциональность, тоже способны мыслить здраво.

– И ты вот так же спокойно отдал нашу дочь этанологу? – Когда она говорила, уголок рта опускался все ниже и ниже, словно Юля собиралась расплакаться, но слез в ее глазах не было, они горели лихорадочным блеском.

– А что нам было делать? – Яр развел руками, и в этот момент Юля бросилась на него. Сверкнуло лезвие ножа, Яр успел ударить ее по руке, защититься предплечьем.

Перехватил руку Юли, сжал запястье – нож выпал, закапала кровь из рассеченного предплечья, но не это волновало Яра, а искаженное ненавистью лицо жены. Она не раскаивалась, что ранила его – жалела, что не убила. Зрачки сузились в две точки, полумесяц рта дрожал. Яр швырнул ее на кровать, где она и осталась лежать.

По справедливости ему следовало выгнать ее из своего кубрика – пусть идет к солдатам или ничего не значащим инженерам на третий ярус, но почему-то Яр испытывал перед ней вину. Замотав раненую руку наволочкой, он забрал костюм для сна и выбежал в коридор.

Юля не успокоится, а если и успокоится, то не простит. С ней опасно спать рядом. Но почему? Что он сделал не так? Он живет по Уставу, помня, что усердие всех – благополучие каждого. Если бы не Устав, они давно вымерли бы. Спарта – пограничный бункер, который изначально был недоукомплектован, и его обитатели изначально вынуждены чем-то жертвовать, чтобы выжить. Теперь Спарта процветает, ее дети трудятся для общего блага и получают достойную награду. Почему? За что?

И откуда это гадкое чувство в груди, словно он потерял и продолжает терять? Или все-таки Устав недостаточно совершенен? Хотелось с кем-то поговорить об этом, но тех, кто подвергал Устав критике или сомнению, ждала смерть как изменников.

Когда он уже добрался до лестницы, сбитый с толку и злой, затрещали коммуникаторы, и искаженный помехами голос проговорил:

– Внимание! Все участники операции «Призрак»! Повторяю, всем участникам операции «Призрак» в срочном порядке явиться в кабинет Верховного Судьи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.